

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ
Конец XIX – первая треть XX века
Документальное наследие

Москва
РОССПЭН
2002

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ
Конец XIX – первая треть XX века
Документальное наследие

Союз
эсеров-максималистов

Документы, публицистика

1906–1924 гг.

C 069(3)
C 2 C-700

структуров всей рабочей массы с этими вопросами, защита интересов рабочих в смысле возможного улучшения условий труда и защиты личности каждого рабочего и служавшего от несправедливостей, увеличение производительности труда введением технических улучшений и борьба с злоупотреблениями со стороны кого бы то ни было.

Трудовым Советам крестьянских, рабочих и революционной армии депутатов в центре и на местах принадлежит право проверки книг и инвентаря во всех предприятиях и органах управления экономической жизнью и борьба с обнаруженными злоупотреблениями.

Стави конечной целью уничтожение всякой заработной платы и экономических привилегий и установление коммунистического общежития, где каждый человек будет иметь возможность, отдавая свой труд удовлетворять все свои потребности, мы, как переходную ступень к этому теперь же, признаем введение равной оплаты труда для каждого трудящегося с непререкаемым условием, что содержание детей и нетрудоспособных должно взять на себя все общество в целом.

Как предлагаемое здесь может быть осуществлено только трудовыми массами с их полного согласия и такими методами, которые способствуют развитию производительности труда и установлению трудового порядка, но ни в коем случае не вносящими расстройств и в без того расстроенное народное хозяйство.

Максималист. 1919. № 12. С. 1—6.

Ривкин (Ник. Ив.). Обоснование программы, тактики и организации социально-трудового переворота, резолюции, принятые 5-ой конференцией

Союза с.-р.-максималистов о тактике.

Изд. Киевской организации Союза с.-р.-максималистов. Киев, август 1919 г., с. 10—121.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ССРМ ВСЕМ МЕСТНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ СОЮЗА

Апрель 1919 г.

ЦС Союза с.-р.-максималистов заявляет, что 32198 р. 75 к., задержанные бывшими членами Союза с.-р.-максималистов Архангельским, Светловым и Бердниковым, после II расширенного Совета переданы были полностью президиуму V конференции, откуда и поступили в кассу Союза. Одновременно ЦС считает необходимым выяснить следующее обстоятельство. Во ВЦИК имеется фракция с.-р.-максималистов. На 6-й Всероссийский съезд, из-

¹ Опубликованы частично.

бранный в его большинстве от Советов, от Исполкомов и даже ревкомов, имевших по условиям выборов определенное большинство, принадлежащее к партии большевиков-коммунистов, попал, как исключение, один максималист (из Серпухова). Президиум ВЦИК, однако же, согласился после съезда предоставить максималистам в ВЦИК одно место, которое по решению Центрального Бюро Союза занял тов. Светлов, составив фракцию максималистов в ВЦИК.

22-го февраля 19 г. фракция с.-р.-максималистов получила от ВЦИК сумму в 100000 р., о которой ничего не сообщила ни ЦС, ни состоявшейся V Всероссийской конференции, признанной фракцией правомочной. Так как, несомненно, фракция с.-р.-максималистов принадлежала в то время к Союзу, то уклонение от отчета перед конференцией является актом, по мнению ЦС Союза, недопустимым. ЦС Союза предлагает организациям на местах обсудить этот новый факт, обнаружившийся уже после конференции, и прислать свои решения. Архангельский, Светлов и Бердников откололись от Союза с.-р.-максималистов, выступили в печати с заявлением, должно осветившим работу конференции, наименовали себя «Временное Исполнительное Бюро Союза максималистов» и обратились через газеты «Известия» и «Правда» ко всем организациям максималистов на местах с призывом мобилизовать все свои силы на борьбу с контрреволюцией, надеясь таким образом, подделавшись под название Союза с.-р.-максималистов, примазаться к великому делу борьбы против Колчака и создать себе рекламу, неизвестно, в каких целях. ЦС Союза с.-р.-максималистов доводит до сведения всех организаций максималистов и максималистов-одиночек, что Ф. Ю. Светлов выходом из Союза лишил себя права быть его представителем в ВЦИК.

Центральный Совет Союза с.-р.-максималистов

Максималист. 1919. № 12. С. 1.

БРОШЮРА Г. А. НЕСТРОЕВА «МАКСИМАЛИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ»

1919 г.

Вместо предисловия

Нас спрашивают часто о наших разногласиях с большевиками, об отличиях нашей программы и тактики, не считая различий идеологий, от программы и тактики большевиков. С тех пор, как под влиянием развивающейся революции и ее непреодолимых требований большевики сдвинулись со своих первоначальных позиций, молчаливо корректируя не только «настройку», но и «базу» — с этих пор очень многие недоумевают по поводу нашего самостоятельного существования, считая, что идеологические рас-

хождения революционного народничества и революционного марксизма в эпоху *практического* строительства новых социальных форм не должны влиять на собирание всех советских сил в единую советскую организацию, целостность которой так необходима в данный критический момент существования молодой трудовой республики.

Этот вопрос ставится особенно остро теперь, когда так называемый «кризис народничества» как будто показал всю свою нежизненность, внутреннюю слабость, непонимание им методов борьбы социальной революции, ее целей и задач, когда на протяжении одного лишь года одна часть народников переключалась в лагерь врагов социальной революции, другая ее часть раскололась на ряд групп, переметывающихся одна за другой в лагерь большевиков, когда от всего величавого, широкого и недавно могучего народнического течения осталось два лишь сколка — левозерновский и максималистский, не склонившие до сих пор своих знамен перед новыми победителями, чувствующие себя, несмотря на свою малочисленность, равными властителям нашей «коммунистической» жизни.

Надолго ли? Не пора ли этим обломкам, правда, со славным и героическим прошлым, пристать к большевистским берегам?

Мы попытаемся дать обстоятельный ответ на этот вопрос, — *быть или не быть*, — ответ определенный, ясный, без уверток и гаданий.

Крещение российской социал-демократической партии большевиков в партию коммунистическую произошло, кажется, в марте 1918 г. Между большевизмом и коммунизмом поставлен знак равенства. Это «уравнение» нам, максималистам, необходимо еще решить и детально разобрать правомерность этого отождествления, рассмотреть внимательно, что составляло сущность большевизма до мартовского крещения и что образует тело и душу ныне здравствующей российской коммунистической партии. Это тем более необходимо, что в свете этого анализа вскроются, быть может, и тезисы, необходимые нам для проверки и другого положения — о кризисе народничества. Тогда мы увидим, что необходимо говорить о «кризисах» народнических и особенно марксистских, что под напором волны социальной революции дали трещины, что под напором волны организационной и тактической, *остатке совершенно нетронутыми основные положения его идеологии*, а марксизм — в области своей социальной философии, теоретической и прикладной и методов перехода капиталистического строя в социалистический стран земледельческих с невысокой развитой культурой и техникой.

Тогда мы также поймем, как от возмущения действиями черносотенного правительства, нарушившего депутатскую неприкосновенность арестом «товарищей из РСДР фракции», коммунисты дошли до уродливого копирования этих черносотенных мер. Тогда вскроется и вся прогамманная и тактическая дипломатия новой партии, недавно еще признававшей «великорусский капита-

лизм исторической силой, делающей прогрессивную работу, централизуя экономически и сплавляя громадные области», высказывавшейся за централизацию и против мешанского идеала федеративных отношений, но объявившей «Российскую федеративную республику»; писавшей, что для революции пролетариата необходимо «длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства», но провозгласившей без всякого воспитания рабочих в этом духе социалистическую революцию и рабоче-крестьянскую власть.

Все эти противоречия должны быть вскрыты наряду с изложением наших взглядов на все эти вопросы и в период нелегального нашего существования, и в дни мартовской и Октябрьской революций, и в период захвата власти большевиками, и превращения ее в оружие партийной борьбы с инакомыслящими.

Лишь при таком детальном разборе физиономии большевизма вскроются и те глубокие отклонения, которые мешали, мешают и будут мешать организационному слиянию господствующей и массовой партии большевиков-коммунистов с незначительным, но идейно крепким союзом социалистов-революционеров-максималистов.

1. Капитализм и социализм

Вожжи большевизма обрушились всей тяжестью своего полемического пера на тех марксистов, которые считали необходимым победу «России» для усиленного развития капитализма, а с ним и усиленного роста рабочего движения. «Дело социал-демократии, — писали они, — организация рабочего класса, развивающегося на основе капитализма, для борьбы против капиталистического строя». Мы, максималисты, всегда утверждали, что сказать эту азбучную неоспоримую истину, — значит ничего не сказать. В споре с марксистами мы указывали на то, что все те, кто возможность наступления социализма рассматривает с точки зрения социаль-экономической и технической теории концентрации, должны еще указать, до какой степени развития капиталистического строя будет происходить борьба против этого строя, на какой ступени своего развития он окажется достаточно развитым для перехода в строй социалистический, каково должно быть отношение капитализированной части хозяйства к некапитализированной, кто будет определять это отношение и каким путем, какому капитализму предостигт самоничтожение, первое по времени: промышленному ли или торговому, кредитному или финансовому?

В ответ на все эти вопросы нам предподносили разные вариации на старую тему о «тенденции к экспроприации экспроприаторов», концентрации чисто технической, теории концентрации социально-экономической, теории, раскатуемой большевиками сейчас, как «худшую карикатуру на марксизм».

От этой теории и всех ее выводов не откажались ни громадная часть так называемых «социал-предателей», считающих себя ис-

тинными толкователями Маркса, ни другая часть, которая под лозунгом «не оплошайтесь великого учения марксизма» пытается для данного момента отстоять одну часть теории, отменяя в сторону точку зрения «выварки в фабричном котле», добавляя тезисы: 1) капитализм уже изжил себя, сделал все свое творческое дело, превратившись в фактор, задерживающий развитие; 2) социализм и империализм — совсем не одно и то же. Еще бы! Но никакие «социал-иуды», по новейшей терминологии большевизма, не оставляли последнего положения. Вопрос заключается не в этом отожествлении, а в том, при каких условиях империализм порождает социализм, наступили ли уже эти условия, можно ли рассматривать современный империализм как последний, не только новейший, этап капитализма?

Три точки зрения существуют по поводу подобной, единственно правильной, постановки вопроса: точка зрения меньшевистско-эсеровская, точка зрения максималистская и точка зрения большевиков, точнее — их лидера Ленина.

По первой точке зрения, «наш экономический строй далеко еще не созрел для социализации, что капитализм еще не сыграл своей роли, еще далеко не выполнил своей исторической миссии, что технические и организационные предпосылки для будущего строя далеко еще не имеются налицо и что господство пролетариата неизбежно привело бы лишь к краху». Отсюда вытекает вся меньшевистская тактика, все их поведение и во время войны, и в дни обеих революций. Социалистический строй для данного состояния хозяйственного развития — миф, вредная утопия, с которой надо бороться во имя создания этих условий и т.д., и т.д.

Для нас, максималистов, никогда не существовало вопроса, достаточно ли развит капитализм для возможности прыжка «из царства необходимости в царство свободы». Мы всегда ставили вопрос о социальном перевороте в плоскость тактических методов борьбы с капиталистическим строем и практических мероприятий «на другой день», базируясь на наследии предреволюционного периода, *какое бы оно ни было*. Мы всегда говорили: *на какой бы ступени общественно-хозяйственного развития страны не достигла ее революция, каковы бы ни были степень концентрации, формы производства, организационные наводки — трудовой переворот, форма и глубина которого зависит от всей предыдущей истории и развития страны, возможен при победе революции, при переходе государственного аппарата в руки народа в лице его организованного меньшинства*. С этой точки зрения не существует вопроса о том, где более развит капитализм, где меньше. С этой точки зрения революция побеждает, если субъективные движущие силы ее ставят перед собой конкретную цель — трудовой социальный переворот, — в тот момент, когда по тем или иным хозяйственным, социально-политическим или психологическим причинам начинается восстание против старых отживших форм управления, не удовлетворяющих народное правосознание, его матери-

альные нужды. Раз победивши, необходимо и возможно *практически* поставить задачу уничтожения всех устоев буржуазно-капиталистических отношений.

Эту нашу точку зрения мы обосновывали: для капиталистических стран вообще, для России в частности. Мы ее изложим вкратце.

1. Капитализм во всех своих видах — свободно конкурирующим или третируемым, промышленным или финансовым, монополистическим или сверхимпериалистическим, — достаточно эластичен, чтобы приспособиться ко всяким новым формам. Представленная своим внутренним законом развития, оболочка капитализма «разрывается» вовсе не так успешно, противоречие между формой и ее содержанием вызывает к жизни *видоизменение* старой капиталистической оболочки; пройдя фазис непрерывных побед, капитализм вступает в фазис самозащиты, борьбы за позиции, готовые уйти от него». Для более успешной борьбы с конкуренцией, для «предотвращения особенно крупных опасностей экономической анархии», он организует в национальные и международные синдикаты промышленников, которые не только вполне справляются с опасностью хозяйственных кризисов, но также приспособляются к организованной рабочей силе. «Нельзя поэтому априорно утверждать, — говорит Роланд Гольст и Ганс Дейши, — что он не найдет в себе умения "удовлетворительно" разрешить проблемы мировой экономической политики».

Вместе с указанием на эту живучесть капитализма и его приспособляемость максималисты исповедывали и другое положение, определявшее всю их тактическую линию поведения.

2. Чем развивается капитализм, тем труднее наступление социализма. Несомненно, поскольку развитие промышленности в капиталистической оболочке влекло за собой скопление масс на фабриках, заводах и крупных мастерских, постольку капитализм создавал и объективно, и психологически почву для роста социализма. Но по мере того, как капитализм становился тесно в национальных рамках, по мере этого он проявлял и свои разрушительные стороны, уничтожая ту психологическую обстановку, которую он создавал раньше. И это разрушение в разных странах началось в разные периоды задолго до экономического раздела мира «великими державами», в эпоху начавшегося развития колониальной системы, приводящей к эксплуатации одной страны — колонии — другой — метрополии, — к экономическому участию всех классов метрополии, *пролетариата в том числе*, в этой эксплуатации, к разделу сверхприбыли между этими классами, а следовательно — и к созданию консервативной психологии — психологии пролетарской буржуазии. Но эта колониальная политика, эта борьба капиталистических стран за господство над миром тесно связана со степенью развития промышленности, степенью ее концентрации, создания монополий, трестов и т.д. Чем сильнее развит монополизированный капитализм страны, тем легче его по-

беда над другими странами, тем шире объективное участие пролетариата в эксплуатации колоний, земельельских главным образом, тем сильнее оппортунизм пролетарских классов, тем труднее наступление социализма и активной борьбы за него.

3. Из этих двух положений мы, максималисты, сделали определенный вывод: раз нет достаточных данных для утверждения, что капитализм не может разрешить проблем мировой экономической политики; раз трестированный и монополизированный капитализм создает экономически психологично оппортунистического рабочего движения, — необходимо в каждый данный момент стремиться к его разрушению, не допуская его концентрации, трестирования. Одним словом — *надо бить его, пока он еще слаб*.

4. Развитие промышленности, охват всей страны сетями капитализма невозможны без политических свобод, гарантирующих: максимум проявления инициативы, энергии и знания класса буржуазии, с одной стороны, с другой — максимум эксплуатации живой рабочей силы. Чем укрепленнее положение обладателей капитала, тем развитее, сильнее и могущественнее тресты, синдикаты, картели, тем развитее не по букве писанной инструкции, а фактически, эти политические свободы.

При «политической свободе» растут и крепнут экономические, политические и культурно-социалистические организации рабочего класса. И чем развитее формы политической демократии, тем могуче и шире эти организации, тем большие массы они охватывают. Растут две силы: монополизированный капитал и организованный труд. Лишь при опережении первой силы второй — капитала трудом — приближается час «экспроприации экспроприаторов», но при допущении, что *организация труда — непосредственный фактор социального переворота*.

5. Происходит же обратное: сила труда в своем развитии отстает от силы капитала. И это является аксиомой для всех буржуазных стран. Капиталистический строй есть диктатура буржуазии над рабочим классом. В ее руках — армия, печать, полиция, парламенты, суд, закон. Рабочий же класс опирается лишь на организованную, часто нереволуционную, несоциалистическую, всегда безоружную массу. И если бы даже организованный труд был *непосредственным* револуционным фактором переворота, то и тогда механическая замена одного строя другим стала бы невозможной из-за того, что *сила, подлежащая разрушению, укрепляется быстрее, чем сила, ее разрушающая*.

6. В капиталистических странах организованный труд не является непосредственным фактором переворота, ибо господство политической демократии деморализует рабочую психологию, отвлекает ее внимание в сторону *легальной* борьбы, в сторону мещанского уклада жизни, ближайших интересов *наемного* труда, уташая и суживая револуционную энергию и волю масс законностью их проявлений. Следовательно, мыслить социальный переворот через политическую демократию, сводящую все рабочее движение в

тихое русло постепенности и соглашательства, тем более невозможно, ибо хотя сила труда и растет, но эта сила не револуционная, не действенная, не социалистическая.

7. Таким образом, вопрос о возможности вооруженного восстания народа против буржуазного строя должен быть поставлен в плоскости сознательного *вмешательства организованной части трудящегося народа* в так называемый естественный ход вещей — в плоскость «прямого действия» против этого строя, действия, создающего и выковыливающего ту револуционную волю, которая проявляет себя в тот момент, когда под влиянием сложившихся условий исторической жизни страны, перелетающих факторов ее движения, наступает революция чаще всего стихийная, не поддающаяся охвату и организации.

Так ли рассуждали большевики? Как марксисты, они ставили вопрос о возможности социального переворота в зависимости от зрелости капитализма. Здоровое револуционное чутье подсказывало им, что современная война создала наилучшую почву, наилучшие условия для реализации нового строя. (Начавшаяся революция с еще большей реальностью убедила их в этом). Встал вопрос о гармонизации догмы и практики, теории и чутья. И тогда обратились к теории империализма, как к новейшему и *последнему* этапу капитализма, как к стадии, «где капитализм начинает больше тормозить дальнейшее развитие производительных сил общества».

«Империализм есть та стадия капитализма, которая уже не знает творчески создательных форм. В противовес всем предыдущим формам он знаменует собою не рост, а разрушение производительных сил. В своем беспрепятственном развитии он не приближает, а удаляет нас от социализма», — так рассуждает максималиствующий марксизм.

Я не имею в виду ни критиковать, ни опровергать правильность или неправильность воззрений о XX веке как поворотном пункте от старого к новому капитализму. Но надо сказать, что утверждение: «монополитическая стадия приводит к паразитизму и загниванию капитализма, монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода в социализм, гигантское обобществление труда империализмом означает то же самое», — что эти утверждения ровно ничем не доказываются. Прежде всего, в этих положениях происходит незаконное противопоставление капитализма монополии, как будто монополитическая форма капитализма не есть капитализм. Во-вторых, *механическое* обобществление труда империализмом не означает ни сколько обобществления *психологических* факторов социальной революции; следовательно, оно ни в коем случае не является началом перехода к социализму. В-третьих, вывоз капитала есть не паразитизм в квадрате и даже не паразитизм, а просто международная форма эксплуатации мирового труда. В-четвертых, политическая реакция, как свойство империализма, не характерна ни

для республиканских, ни для монархических стран империализма. История задолго до появления империализма знала такие реакции *по всей линии*, что империалистские бледнеют перед ними — третья республика во Франции, николаевщина и александровщина в России, Абдул-гамидовщина в Турции, бисмарковщина в Пруссии. В-пятых, продажность, подкуп в гигантских размерах характернее для полукapиалистических монархических, азиатских стран, чем для стран империалистских. В-шестых, верно то, что «цивилизovaný» мир превращается в паразита на теле сотен миллионов нецивилизovaných народов. Но как капитализм страны существует на теле народа этой страны, так империализм мировой существует на мировом народном теле.

Все эти опровержения можно было бы продолжить, если бы они играли существенную роль в цепи наших возражений. Но центр тяжести большевистской концепции социальной революции не в этих спорных вопросах, а в выводах из большевистских утверждений.

Допустим правильным положение Ленина, что вывоз капитала есть признак загнывающего капитализма, есть признак наступления социализма. Правильны данные, что «четыре страны света — Англия, Франция, Германия, С. Штаты — имеют 479 миллиардов франков, т. е. почти 80% всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир так или иначе играет роль должника и данника этих стран — международных банкиров, этих четырех «столпов» всемирного финансового капитала» (Н. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма).

Как бы ни объяснять этот гигантский вывоз капитала в некапиталистические и малокapиалистические страны, достигший перед войной почти 200 миллиардов франков, доход с которого должен равняться почти 10-ти миллиардам, но выводы большевистского марксизма о подготовленности стран «вывоза» к социальному перевороту оказались построенными на песке. Большевик полагал, что высокообразованные страны, страны-тресты, страны-картели, страны-синдикаты более подготовлены к введению социалистического хозяйства, чем страны отсталые, ибо «революционизирующим психологием масс фактором» является, с его точки зрения, не столько степень эксплуатации, сколько «степень развития производительных сил». И вот почему революционный марксизм до сих пор полагал, что сигнал к всемирной революции дадут страны Запада.

Что это было так *до последнего момента*, видно из следующих рассуждений вождей большевизма:

«Русский царизм потерпел военный разгром... Демократическая Россия берет и судьбы своей внешней политики в собственные руки... Союз "Франции" и "России" уступает место союзу французской и русской демократии... *Демократическая революция* в России переобращается в другие страны и становится прологом социальной революции в Западной Европе... К еврейскому проле-

тарияту присоединяется американский. Бьет час наших угнетателей» («Против течения». Стр. 59—60. Г. Зиновьев. (Курс. мой. — Г.Н.)).

«Социализм для стран передового развития, демократический переворот для стран отставших, в частности "три кита" для России — таков наш пароль» (стр. 262-я).

«Россия должна, наконец, освободиться от позора царизма... Идет, грядет вторая демократическая революция в России» (стр. 267-я).

«Пролетарская революция или новый ряд империалистских войн, новые моря крови, новые миллионы жертв. Так поставила вопрос история для всех передовых капиталистических стран. Демократическая революция и теснейшая связь с революционным движением социалистического пролетариата на Западе или — ряд новых империалистских войн под командой Романовых. Так поставила вопрос мировая история для нашей страны» (стр. 390). Таковы были взгляды большевизма за месяц до революции в России. Чем же они подтвердились? Тем, что революция *началась в России, перекинулась потом на Балканы, Аравию, потом уже на Германию*, в странах же сверхимпериализма происходит лишь революционное движение и брожение. Страны эксплуатируемые, с низким производительностью труда, нерамотным населением оказались и революционнее, и социалистичнее стран-колыбелей капитализма, социал-демократизма и даже анархизма. Если наша революция даже и перекинется на весь мир, — революционный марксизм, большевизм, как идеология, потерпел полное поражение, разбит наголову.

Теория большевизма и протоз его сторонников не оправдалась. Влияние концентраций, монополизаций, империализма и «вывоза капитала» оказалось наименьшим в деле подготовки психологических предпосылок социальной революции, доминирующих над всеми остальными. «Как французская революция пыталась вести всемирную войну против королей» в конце XVIII века, так отстала, земледельческая, малокультурная, неорганизованная Россия, а не Англия, Америка, Германия или Франция открыла эру новой жизни в начале XX века, — это во-первых.

Во-вторых, утверждение об экономической зрелости социализма, о наличии всех объективных его предпосылок при отсутствии предпосылок психологических наносит удар в самую «базу» учения.

«Будь пролетарское правительство достаточно сильно, — пишет Густав Экштейн, — чтобы выступить так диктаторски, как ныне выступают военная власть, тогда материальные и организационные предпосылки были бы налицо для создания в кратчайший срок общественно-организованного хозяйства для удовлетворения потребностей в крупном масштабе».

Вопрос, следовательно, заключается в том, что при наличии всех экономических объективных факторов социализма приходится еще создавать факторы субъективные; чтобы сделать рабочих ду-

ховно зрелыми для достижения цели, необходимо, — говорит Эштейн, — «не только усиление развития их классового самосознания, поднятия их веры и решимости, усиление в них чувства солидарности со всеми своими товарищами по классу и придание этому чувству организованного выражения, — для этого необходимо также, чтобы "государству будущего" империалистов была противопоставлена картина нашего собственного государства будущего и показана возможность и необходимость его сознательного осуществления по "заранее намеченному плану"». Это, с точки зрения экономического «мониста», ересь, «ересь» максимализма, нашедшая свое подтверждение в развитии социальной революции с Востока на Запад.

Идеология революционного народничества, максимализма, оказалась, таким образом, победительницей в споре с революционными марксизмом, большевизмом. Говорить приходится не о кризисе народничества, не о пересмотре его социально-философской концепции, а о пересмотре открытым, громогласным, без замалчивания, слабых сторон программно-теоретического и социологического построений марксизма. Ибо в разрешении проблем и прогноза о характере и содержании социальной революции большевизм ошибся, поскольку он исходил из положений дотматического социализма, и оказался прав постольку, поскольку он молча переходил на позиции социализма критического, допускающего сознательное вмешательство, не ограниченное ни временем, ни эпохой, ни территорией в так называемый «исторический ход вещей». Одним из недостатков марксизма являлась его переоценка прогрессивно-творческих сторон капиталистической стадии развития. Отсюда и вытекала особая с.-д.-ая политика и в области земельных отношений, и в области индустрии, — политика, которую беспощадно критиковал критический социализм революционного народничества.

Мировая война заставила подвергнуть пересмотру всю идеологию марксизма, вызвав дробление мнений и оценок, отношений к теории социальной эволюции и капитализму, как фактору развития и организации общественных сил.

Этот пересмотр, как я уже указал, привел к тому, что одни утвердились еще сильнее на первоначальной позиции марксизма.

Другие прибегли к объяснению империализма, как особого вида капиталистической политики, не связав своих доказательств с основным положением экономического материализма о «базе» и «надстройке».

Третьи, и Ленин в том числе, рассматривают империализм как новейший и последний этап капитализма.

И вот этим третьим, из русского лагеря главным образом, война сослужила хорошую службу, дав им возможность основательно забыть все свои бывшие писания о «реакционерах», пытавшихся бороться «с таким прогрессивным, необходимым и исторически неизбежным явлением, как капиталистическое развитие хо-

зяйства», и выдвинуть новую «поправку», что уже наступил момент, когда революционные марксисты должны не только бороться с капитализмом и его видоизменениями, но и разрушать его, не считаясь насколько со степенью мировых производительных сил, насколько не заботясь о том, что эта поправка ни на одну йоту не подвинула вперед в разрешении противоречий между теорией экономической необходимости «крушения» и практикой сознательной постановки целей и активной за них борьбы. С одной стороны, они повторяют набившие всем оскомину марксистские зады: монополия обостряет хаотичность производства, кризисы неизбежны, а кризисы усиливают тенденцию к концентрации и монополии, централизация достигает своего апогея, бьет час экспроприации экспроприаторов. Ничтоже сумняшеся объявляется сказкой буржуазных экономистов устранение кризисов картелями. С другой — не дожидаясь расцвета демократизма, подчинения деревни городу по западному образцу, поглощения мелкого ремесла крупной промышленностью, — большевики заменяют вдруг, показывая этим и свою беспринципность и в то же время свое революционное чутье, теорию стихийного бессознательного процесса методом предварительной постановки целей: захвата власти революционным путем, насильственной замены одной экономической системы другой, насильственного расчленения деревни и т.д.

Большевики сразу покидают почву эволюционной необходимости, становясь на почву возможности вмешательства в ход вещей, вмешательства с единой целью — дать этому ходу желательное, с большевистской точки зрения, направление и развитие, действенного вмешательства во имя строительства новых форм жизни по принципу должного и желательного. Вся практика большевизма революционного периода доказывает этот сдвиг в сторону идеологии народнического максимализма.

II. Цель и движущие силы

Выше развитые положения диктовали нам, максималистам, и в 1905 году, и особенно в первые дни революции 1917 г. программой социальной революции, программу максимализма с трудовой демократией, социализацией земли, фабрик и заводов во главе.

Против нас, наших лозунгов и программы выступили все социалистические партии, не исключая и большевиков. Ближе к нашей точке зрения стоял в 1905 году Л. Троцкий, охарактеризованный Лениным, как один из самых шумливых представителей примиренчества, «от которого в течение целого десятилетия в воздухе стоял звон от фраз по поводу большевистской узости, нетерпимости, раскольничества», который «как всегда ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем фактически согласен с ними».

Лев Троцкий воспринял нашу основную мысль о возможности социально-трудовой революции в России, но с политической демократией, как неизбежным этапом, с социалистическим переворотом, как возможной целью, с диктатурой пролетариата — меньшинством народа, как средством. Это была тактически незаконченная мысль максимализма о необходимости борьбы за социализм, не считаясь ни с размахом движения других классов, ни с возможностью укрепления их господства, ни со степенью развитости производительных сил, смешенная с идеей диктатуры пролетариата, признававшейся народничеством вредной марксистской утопией, ведущей к поражению революции, особенно в странах с широкой трудовой крестьянской основой.

Хотя идея перманентной (непрерывной) революции с ее возможными этапами заранее утратила ее дух, размах борьбы, идею борда-революционера, но все же это был разрыв с меньшевистской концепцией о связи пролетарских завоеваний с радикализмом действий буржуазной демократии.

Савит Троцкого в сторону максималистского социально-философского понимания исторического развития относится к 1905—6 гг. в связи с вопросами об исходе начавшейся в то время революции и решавшимся марксизмом соотношением общественных сил. С этой точки зрения, «всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собой определенную группировку людей в общественном производственном процессе». Этот тезис и разрешает вопрос об объекте и субъекте революции с точки зрения марксизма. Раз страна земледельческая с преобладающим крестьянским элементом, раз промышленный пролетариат в ничтожном меньшинстве, то историческое содержание революции должно быть буржуазным. Поэтому была «предопределена» революция 1905—6 гг., «предопределена» и трагическая революция 1917 г., передавшая власть пролетариату, вынужденному осуществлять социалистическую программу, не подготовленную еще развитием производительных сил.

Этому взгляду мы, максималисты, противопоставляем другой — взгляд революционно-народнический: объектом революции всегда является социалистический строй, осуществить который должно стремиться, раз началась революция, социальное содержание которой необходимо расширять, углублять, накалять огнем трудовых заданий, осознанностью целей и проявлением действительной воли. Субъектом революции является ее активный носитель и участник наиболее организованный и стоящий во главе всех групп, слоев и социалистических идеологий, так или иначе причастных к движению. Не тот является субъектом революции, кого исторический ход вещей «предопределил» для власти на основе объективного прогноза «науки», а тот, кто действительно ее творит, хотя бы в итоге он и был побежден другим классом. С этой точки зрения в России творцом революции является труд в лице

рабочников города и деревни, противопоставляющий себя всему буржуазному строю.

Эту точку зрения признавал и марксист Л. Троцкий, но отрицая социалистическую роль крестьянства в этой революции, он центр тяжести титот борьбы за осуществление социализма переносил на пролетариат, призывая исключительно его к завоеванию власти и установлению своей диктатуры и над «буржуазной нацией», и над трудовым крестьянством.

Другая часть социал-демократии, большевики, признавая единственной силой, способной на борьбу до конца, пролетариат, полагала, что на почве стихийно-разрушительного движения других слоев и групп организуется в силу и городская демократия, оформится и крестьянство, которое, как мелкобуржуазный класс, не заинтересованное в поддержке более радикального, более глубокого экономического переворота, все же сильно изменит ход революции в сторону создания европейских демократических форм.

Этот взгляд эволюционировал у теоретика большевизма в 1915 г. Ленина до демократической республики, «как политической формы общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазно», затем через признание им возможности социализма в одной какой-либо стране¹, к лозунгу второго этапа революции не путем «перепрыгивания через неизжившее себя крестьянство или вообще мелкобуржуазное движение», не путем «игры» (курса. Ленина) в захват власти рабочим правительством», а путем обеспечения «господства *большинства* (курс. Ленина) и активности масс лишь в мере сознательного выступления самого большинства» (стр. 9, «Письмо о тактике»).

И этот второй этап революции, эта «эпоха перехода» характеризуется Лениным: 1) необходимостью государства для этого переходного периода, «не обходного парламентарно-буржуазного государства, а государства без постоянной армии, без полиции, без чиновничества» (стр. 10), государства типа Парижской коммуны, родившегося в России в форме Советов; 2) невозможностью «немедленного перерождения этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую, "не введением социализма, как нашей непосредственной задачи"» (12 стр.); 3) максимум деятельности и отсутствием насилия над массами.

Будущее революционно-демократической «диктатуры пролетариата и крестьянства» представлялось Ленину в виде «борьбы

¹ Эта точка зрения Ленина изложена в следующих словах: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отвлеченно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира» («Против течения», стр. 132). — *Прик. автора.*

против частной собственности, борьбы наемного рабочего с хозяином, борьбы за социализм» (12).

Таким образом, в апреле 1917 г. Ленин, считая необходимым переход власти к Советам, которые «лучше и скорее проведут самостоятельность массы народа в жизнь, чем парламентарная республика», тем не менее полагал возможным не уничтожение частной собственности, а лишь борьбу с ней, не уничтожение наемного труда, а лишь борьбу с хозяином, не введение социализма, а лишь борьбу за социализм.

И только в октябре он отказался от этой минималистской по существу точки зрения, когда перспективы революции начали обрисовывать реальные очертания трудового переворота, когда «та же буржуазия», в серой тогда шинели, полная энтузиазма, преобразимой тяги к земле и свободе, связанной со стихийной тягой к миру, не мыслила себе исхода начатого против коалиции боя.

Хотя сдвиг большевизма с позиции минималистского марксизма на позиции народнического максимализма произошел не сразу, хотя ему предшествовал период борьбы между течениями «старого» и «молодого» большевизма, но когда сдвиг начался, он затронул сразу все вопросы, на которые до этого максимализм и большевизм давали разные ответы.

1. С точки зрения максимализма для победы социальной революции необходимо создание такой формы переходной власти, которая снизу доверху организует трудовое большинство при свободном и правильном ее избрании, создает истинно-трудовое децентрализованное представительство, федерацию городских и сельских коммун, исполнительные органы которых полнее, быстрее, справедливее выражают волю труда.

Такой формой не может быть ни парламент, выбранный на основе всеобщего избирательного права, ни Учредительное собрание. И эта наша точка зрения была ясно сформулирована еще в 1906 году на первой конференции с.-р.-максималистов, заложившей основу Союзу.

Отношение максималистов к парламентаризму характеризовалось принятой тогда резолюцией:

«Долгая практика парламентской деятельности социалистических партий на Западе с очевидностью показала, что эта деятельность, не принося никаких положительных результатов рабочему классу, не приближает момента освобождения труда, а служит лишь разрядником ступающей атмосферы недовольства и злобы, накапливающейся в рабочем классе. Эта деятельность вводит революционное движение трудового класса в рамки легальной, законной борьбы и тем самым утаивает революционную энергию и социалистический энтузиазм, культивирует мешански консервативную психологию. Затем та же практика показала, что самые чистые по принципам социалистические партии помимо их воли превращаются в партии демократических реформ, вступают в позорный торг с буржуазными партиями и, естественно, социалисти-

ческий идеал отходит у них в туманную даль, прекрасного и желательного, подменяясь мелкой монетой политиканства. Парламентские вожди все больше и больше перестают служить представителям чашный трудового класса и, сдерживая его революционные проявления, тем самым тормозят наступательное движение социальной революции. Принимая все это во внимание и признавая, что освобождение трудового класса есть дело самих трудящихся, дело их собственных активных выступлений, вплоть до вооруженного восстания и полного уничтожения буржуазного строя, с.-р.-максималисты], относимся безусловно отрицательно ко всякому рода парламентарным представительным учреждениям в рамках буржуазного строя».

В то же время т. Тагин в своей брошюре «Ответ В. Чернову» выдвинул Советы, как формы массовой классовой организации труда, как боевые органы защиты и нападения; как органы, могущие победить все препятствия по пути к творчеству новой социалистической жизни. В своей статье «Основные задачи трудовой республики» т. Тагин писал в 1907 г.: «Основной принцип — воля труда — должен и может воплотиться в такую форму общественного устройства, которая, с одной стороны, уничтожила бы сразу все основные источники эксплуатации; с другой — дала бы возможность развить производительные силы страны, дала бы возможность мирного выхода высшим общественным формам, имеющим своей задачей полное освобождение человеческой личности от всех наследственных пут, всестороннее развитие способностей и удовлетворение потребностей ее». И формой этой являлись Советы труда (Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов).

В марте 1917 г. максималисты открыто заявили, что Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов должны взять власть в свои руки. Вторая конференция Союза наметила вновь Советы труда, как органы управления, представляющие идеальный воплощение воли труда.

Советы, с точки зрения максимализма, как классовые организации, являются органами беспартийной, классовой рабочей воли. Такими были Советы в 1905 г., таковыми были они и до разгрома их партийной диктатурой большевиков, когда одни максималисты противопоставляли без колебаний, без политиканства и дипломатии, принципиально, власть Советов власти Учредительного собрания.

Максималисты допускали, что Учредительное собрание, составленное из одного лишь социалистического большинства, — явная возможность в России, с трудовым ее укладом в дни революции, когда народные массы быстро переобладают в ее огне, приучая их на деле, практически, к хозяйственному самоуправлению, к экономическому творчеству, когда зарождаются новые организационные навыки, социалистическая культура, подготовляемые критическими эпохами, но развиваемые эпохами органичес-

кими, наступающими исключительно после победы труда над капиталом.

Несмотря на эту возможность, мы, максималисты, не колеблясь начертали на своем знамени: вся власть Советам. Мы исходили из того, что диктатура труда над капиталом, как неизбежный и необходимый этап революции не может быть осуществлена централизованным государственным аппаратом. Поэтому диктатура трудового народа, а не над ним, не может быть проведена ни посредством передоверия прав Учредительному собранию, ни посредством диктатуры партии, даже и верно отражающей мнение народа. Диктатура может быть только децентрализованной, перенесенной целиком на ее носителя и создателя, т.е. на производителей, каковыми в России является фабрично-заводской пролетариат и трудовое крестьянство.

Форма этой децентрализованной, переданной на места диктатуры определяется всецело задачами, перед ней поставленными. Если производители ценностей ставят перед собой задачу осуществления нового социалистического строя, что возможно исключительно путем самостоятельности масс и через их классовые производственные объединения, то и форма органов переворота ясна: это — фабрично-заводские комитеты на местах, это — Советы этих комитетов для целой отрасли промышленности, это — конфедерация этих Советов для всей страны. Это — производственные союзы земледельцев на местах и их объединения — волостные, уездные, губернские и общероссийские. Этой форме экономической диктатуры должна соответствовать такая же форма диктатуры политической, т.е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, созданные этими производственными организациями и никакими иными.

Диктатура этой формы, формы советской, истинная диктатура трудового народа, гарантирует исключительно ему участие в управлении, как и участие в производстве, как свободу, так и равенство, чего нельзя сказать про какую бы то ни было другую форму диктатуры — учредительскую или партийную.

Ни для кого не секрет, что большевики вплоть до 1917 года мечтали только о более или менее демократической республике с 8-часовым рабочим днем и национализацией конфискованной у помещиков земли. Не только большевики, но и большевистские московский и петроградский Советы требовали незадолго до октябрьских дней демократического мира, отмены частной собственности на землю, только организации рабочего контроля и обложения крупных капиталов и имуществ. О власти Советов не было еще и речи. Ибо большевики с Лениным во главе, вопреки всем писаниям о Советах, как «прямой и непосредственной организации большинства народа», как «единственно возможной формы революционного правительства», не доверяли этим Советам ни раньше, ни в 1917 г., ни теперь. Большевики думали иначе об этих беспартийных организациях, являвшихся опасными конкурен-

тами в борьбе за захват власти; по мысли большевиков, Ленина главным образом, «пролетарские элементы Советов» должны представлять собой «пролетарскую коммунистическую партию» (стр. 11); следовательно, диктатура Советов отождествляется с диктатурой партии через ее организации, комитеты, ячейки, для руководства движением и направления его «по классовому пути». И вот почему большевики выступили в 1905 г. против Советов, как политического органа, толкая его на путь признания с.-д.-ой программы, за превращение их в филиалы партии, исходя из положения, что беспартийность не может и не должна руководить классовой борьбой.

То же повторилось и в 1917 г., но под прикрытием фраз о правах меньшинства и борьбы «за влияние внутри Советов», пока большевики были в этом меньшинстве, сводя постепенно их права, их роль к нулю, вводя, согласно своему мировоззрению, партийную диктатуру, когда они оказались «в большинстве» в партийно-подобранных Советах рабочих депутатов; но пока перед большевиками, как перед всякой партией, стоял вопрос о захвате власти, что могло произойти только через массы, при их содействии и готовности умирать за социально-трудовую революцию, большевики шли за народом, возбуждая его максимальными лозунгами революции. В их числе были и «вооружение трудящихся», и «беспощадное подавление эксплуататоров», и «вся власть Советам в центре и на местах».

Это была первая ласточка большевистского сдвига. За ней последовала вторая, третья... Вслед за признанием Советов была признана и социализация земли, т.е. то, что большевики отвергали с первых дней своего существования, стоя на точке зрения марксистского «научного социализма».

2. На лондонском съезде 1896 г. русские делегаты в своем докладе конгрессу о положении аграрного вопроса в России заявили: не ожидая революционного движения в близком будущем, невозможно ни выработать аграрную программу, ни приступить к практической работе.

«Искра» 1903 г., стоя на той точке зрения, что грядущая революция может быть только буржуазной, может только укрепить господство капитала, передав власть в руки буржуазии, едко практиковала всякие «мещанские» утопии «уравнительного благоденствия». Она выдвинула принятую 2-м съездом «знаменитую» программу «отрезков», сущность которой заключалась в требовании «возврата» (путем и экспроприации, и выкупа) сельским обшествам тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права, пополненная требованием «отмены крупной поручки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель», — эта программа полностью вскрывала буржуазную природу и меньшевиков, и большевиков, входивших тогда в единую российскую с.-д. рабочую партию, опасавшуюся, что требование экспроприации всех земель «будет способствовать разви-

тию в крестьянских массах иллюзий о завоевании себе прочного хозяйского положения в капиталистическом обществе».

На так называемом «третьем съезде партии» большевики социалистически признали «современным подкреплять все стремления крестьян к захвату помещичьей земли».

На четвертом съезде была принята программа «муниципализации земли», окрещенная большевиками меньшевистской программой. Сами же большевики выдвинули программу ее национализации, полагая, что «новая после революции государственная власть будет демократической».

«Аграрный вопрос в России к концу XIX в. поставил на раз- решение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить земледелие, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов». Так писал в 1908 году вождь большевизма Ленин. (Правда, он это писал «для словаря Граната»). Какою меру предлагал он для очистки пути капитализму? Национализацию земли. И чтобы никто не подумал, что он предлагает какую-либо социалистическую реформу, Ленин разъяснял: «Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит она (национализация — самая последовательная буржуазная мера, как давно показал Маркс), а в борьбе с крепостническими отношениями» (Аграрный вопрос в России к концу 19 века, стр. 71, 80).

Что предлагал Ленин в 1917 г.? «Национализацию всех земель в стране, создание из каждого крупного имени образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов» (Письмо о тактике Н. Ленин). И так как и Ленин, и тем более «старые большевики» считали своей непосредственной задачей «неведение социализма», то национализация земли 1917 г. оставалась той же буржуазной мерой, какой она была и в 1908 г., и в эпоху Маркса.

Ибо, пояснил Ленин, «вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения» (стр. 26). «Бессилие какой угодно уравнилельности перед развивающимся капитализмом доказывается воочию фактом сдачи наделной земли беднотой и концентрации аренды богачами» (35). «Никакая уравнилельность земледелия не в силах устранить неравномерности действительного земледельческого, раз есть наличие имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия» (71).

Незадолго до октябрьского переворота проект земельной программы большевиков требовал передачи права собственности на все земли в руки государства, а права распоряжения — в руки местных демократических учреждений. А 26-го октября 1917 года они веровали в закон о земле, который не только выбрасывает самую идею собственности из круга наших понятий о земельных отношениях, не только вводит равное и трудовое право на землю.

Но декретируют уравнилельность земледельческого, т.е. то, что большевики считали реакционнейшей утопией революционного народничества. Пункт 7-й этого закона гласит: земледельческое должно быть уравнилельным, т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или по требительской норме.

Идея народничества уравнилельности была настолько популярна, что даже в январе 1918 г. большевикам не удалось ее похоронить и пришлось в статье 12-й основного закона о земле ясно и безоговорочно установить, что «распределение земли сельскохозяйственного значения между трудящимися должно производиться на уравнилельно-трудовой началах, так, чтобы потребительской трудовой нормой, применяемой в данном районе к исторически сложившейся системе земледельческого хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца».

Вопреки всем своим патнацистическим писаниям, большевики признали социализацию земли, когда ни об уничтожении обмена, ни об уничтожении полностью частно-товарного хозяйства не было у них еще и речи. И этим самым большевизм осудил бесповоротно марксистское утверждение о притуплении классовой борьбы в деревне, задержке развития социалистических форм сельского хозяйства уравнилельностью земледельческого.

3. Расписавшись в своем бессилии изменить что-либо в земельной политике революционного народничества, большевики пытались проводить свои взгляды, свою программу в вопросах рабочей политики, в престолютом вопросе о рабочем контроле. В апреле 1917 г. Ленин говорил о «невведении социализма, как нашей непосредственной задачи»; и хотя в январе 1918 г. декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозгласила «установление социалистической организации общества», оставляя в силе «советский закон о рабочем контроле» вместо рабочего управления фабриками, заводами, рудниками, железными дорогами и прочими средствами производства и транспорта, но уже первый Всероссийский съезд профессиональных союзов в январе в резолюции «О задачах профессионального движения» заявил, что «профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и восстановления подорванных производительных сил страны». Большевики все же еще пытались как можно лучше, шире, научнее организовать этот контроль, создавая курсы, школы, выскивая лекторов, «профессоров». «Сам» Ленин пытался в апреле 1918 г. урезать контроль приостановлением напуска на буржуазно, дачей ей «передышки». Но максимализм жизни, наш максимализм, окзался сильнее всех кабинетных измышлений большевизма. Мы всегда указывали на то, что рабочий контроль приводит к согла-

шательству с буржуазией, к конкуренции между рабочими вместо солидарности и спаянности, к притуплению классовых противоречий вместо их обострения, к закрытию заводов вследствие естественных, но капитализму непонятных, повышенных требований рабочих масс, а следовательно, и к росту безработицы и нищеты. И после долгого, губительного для дела революции соглашения с капиталом исключительно в области экономики, большевизм был побежден и в этом вопросе. От рабочего контроля перешли к обобществлению промышленности, но пока что в форме ее национализации, нежизненной, практически невыполнимой форме, торжественней и разваливающей дело социализации индустрии, дело истинного перехода снизу вверх к рабочему управлению производством, форме, замены которой другой, нашей, максималистской, — вопрос недалекого будущего, если только до этого политика большевизма не погубит всего дела переустройства России.

4. Одним из необходимых условий социальной революции является «диктатура пролетариата», т.е. «завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров». И вот этот «кит» революционного марксизма был глубоко ранен «гарпуном» народнического максимализма, заставив его в великие дни Октябрьской революции провозгласить диктатуру не пролетариата, а трудового народа. И только этим отказом от марксистских догм победил большевизм вкупе с левыми с.-р. и максималистами. Победа большевизма произошла под чуждым ему знаменем, благодаря вынужденной, жизнью замене большевистских идеологий, кличей, лозунгов, практических мероприятий лозунгами и идеологией революционного народничества.

5. И, наконец, признание большевизмом максималистской аксиомы о недопустимости насилия над трудовыми массами было той притягательной силой, которая перебросила народ на сторону большевиков. Борьба коалиции с рабочими и крестьянами посылкой карательных экспедиций, борьба коалиции с солдатскими выступлениями и их требованием отмены смертной казни, борьба коалиции со своими идейными врагами путем их ареста и преследования, — все это накаляло атмосферу недовольства и ненависти к власти, пославшей на такое элементарное право трудового народа, как право борьбы всеми способами за лучший общественный строй, право устраивать жизнь так, как понимает сам народ, а не та или иная партия, претендующая быть выразительницей его интересов. И, разумеется, тот, кто имел возможность бросать в массы этот простой, элементарный, но близкий и понятный народному лозунг максимализма, — тот становился кумиром народа, вождем его и учителем.

Это сделал, главным образом, большевизм. Он и оказался на гребне победных волн. Но эта честь была им заслужена полной капитуляцией по всему марксистскому фронту, полным разрывом

и с психологией, и с практикой марксизма, переходом под стяг народнического максимализма.

III. Коммунизм и большевизм

Став под стяг народнического максимализма, порвав со старой социал-демократией по форме, большевики захотели порвать с ней и по существу.

«Да, если подобные "социал-демократы" желают быть в большевизме и составлять официальный "Интернационал", то не лучше ли отказаться от запатчанного и униженного ими названия "соц.-дем." и вернуться к старому марксистскому названию коммунистов». Так писал в 1914 г. еще Ленин по поводу «подлейшего шовинизма» громадной части Интернационала, защищавшего и идеи обороны «своего» отечества, и идеи гражданского мира в дни войны, и идеи «ни победы, ни поражения» (Троцкий). Таким образом, одним из доводов отказа от названия «с.-д.» было стремление отграничить себя от «социал-предателей» и возвратиться «к старому названию революционной партии, во главе которой стоял К. Маркс».

И когда российская революция вынесла большевизм на гребне волны к власти, он осуществил в 1918 г. то, о чем писали в 1914 г. Что изменилось с переменной названья?

Социализм — общий термин, характеризующий все течения революционной мысли, от марксистов до анархистов включительно. «Мы все — социалисты», — говорил когда-то Милков. Одни — социалисты «в пределе и идеале», для других социализм — «звезда путеводная», для третьих — программа ближайшего периода, для четвертых — практическая программа момента. Различие между всеми этими «социалистами» начинается лишь с момента выработки тактических методов осуществления социалистического строя. В этот момент выясняется физиономия социалистов, спадает вуаль, под которой все лица симпатичны. Становится понятным, кто революционный марксист, кто постепеновец, кто революционер-народник, кто примиренец, кто непримиримый враг капитализма, кто соглашатель, реформист, ревизионист. Только тактика определяет революционность партий, союзов, классов, групп, а не социалистичность их заданий, не революционность их программных построений. Поэтому социалистами называют себя и террористы-народники, и анархисты-моралисты, и марксисты-эволюционисты.

Точно так же и термин коммунизм несколько не выявляет отличительных черт партии. Ни со стороны ее понятия о собственности, ни со стороны системы производства, ни потребления, ни пользования.

Частная собственность, это — материальная вещь, неограниченная власть над которой принадлежит отдельному лицу. Буржуазные партии, все без исключения, во все времена и революци-

онные периоды признавали это определение римским правом частной собственности, и в этом характерное, самое существенное и единственное отличие их от партий социалистических. Как ни различны они были по своим программным построениям, по методам их борьбы с невыгодным для них строем, но все они сходились на признании неизбежности частной собственности, прав личности на нее, неприкосновенности ее устоев. Точно так же и в рядах тех, кто объявил непримиримую борьбу этому древнему и драхлному праву. Что говорят коммунисты по этому вопросу? «Собственность класса капиталистов на средства производства — вот в чем "причина всех причин", которая объясняет нам варварство современного строя». Каков рецепт? «Единственным выходом отсюда является товарищеский трудовой (коммунистический) строй».

«При коммунистическом строе все богатства принадлежат не отдельным лицам и не отдельным классам, а всему обществу. Все общество здесь — как громадная трудовая артель. Хозяйина над ней нет никакого. Все — равные товарищи»...

Что характерно в этом для РКП? Абсолютно ничего. Все социалисты говорят то же и теми же словами. Все партии, и народнические, и анархические, и революционные, и соглашательские, и коммунисты, и коллективисты подпишутся под этим обеими руками. До появления российской коммунистической партии подобытый строй назывался в литературе, согласно общепринятой терминологии, строем социалистическим, большевики же хотят почему-то называть его коммунистическим. Согласно данному т. Духариным определению, — мы все коммунисты и мы все за экономическое равенство в «идеале и пределе», мы все понимаем, что «равенство труда и наслаждений обеспечивается при общности имущества»...

И нам всем приходится напоминать Российской коммунистической партии слова К. Маркса, что «стремление к уничтожению существовавших донныне отношений собственности отнюдь не определяет отличительной черты коммунизма» (Комм. Манифест, стр. 13). Почитаешь у вождя большевизма, что в коммунистическом строе «нет и такой организации, как государство: ведь нет господствующего класса, который нуждался бы в особой организации для содержания в ежовых рукавицах своего классового противника», — и спрашиваешь себя: что же характерного в этом для большевизма? Как будто списано у анархистов, у синдикалистов. Прочитаешь о центральном статистическом (счетном) бюро, об общественных магазинах — и кажется: списано у максималиста Тагина. Прочитаешь о том, что противопоставляют они анархическому коммунизму и обыватый ужасом шепчешь: как ни плох анархизм, но не за казарменный же коммунизм большевиков умирать на поле брани в бою с врагами рабочего класса!

В вопросах пользования предметами К. Маркс полагал, что «коммунизм не лишает никого возможности присваивать себе

сею (курсив мой. — *Гр.Н.*) долю продуктов общественного труда, он отнимает лишь возможность поработать себе, с помощью этого присвоения, труд другого лица».

— Отличительной чертой коммунизма является не уничтожение собственности вообще, но только буржуазной собственности.

— Мы совсем не намерены уничтожать такого рода личное присвоение продуктов труда, необходимых для поддержания и воспроизведения человеческой жизни...

— Тогда, когда капитал превратится в общественную собственность, принадлежашую всем членам общества, такое превращение произойдет совсем не с личной собственностью...

К этим положениям возвращаются ныне российские коммунисты. Чем, собственно, эти взгляды отличаются от обычных взглядов некоторых групп социалистов?

Частная собственность на предметы потребления, — говорят они, — «является наиболее подходящей правовой формой распределения этих предметов», предметы же пользования и средства производства становятся собственностью общественной, право распоряжения ограничено «отношением государства к гражданам в том смысле, что можно продавать вещи, но без извлечения выгоды одного от другого». Что коммунистического в этих системах, выработанных человеческой мыслью, социалистическим сознанием? Ничего.

Субъективная, по Менгеру, система распределения, предполагающая избыток благ и удовлетворение каждого по потребностям, называется системой коммунистической, о которой в марковом манифесте нет ни слова, но о которой есть и было много в писаниях анархистов.

Пусть эта система предполагает многовековое воспитание масс в строе внесобственности, создающем братство, солидарность, самопожертвование, но, объявляя себя ее адептом, необходимо не трепить против истины и говорить не о возврате к Марксу, а к создателям анархистских теорий и к тому учению, которое самое понятие собственности уничтожает созданием строя, где нет собственности вообще, ни частной, ни общественной, а есть общественное достояние и право пользования, — к учителям революционного народничества. Это во-первых. Во-вторых, признание принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям» — принципа момента распределительного, а не производственного — не вытекает из принадлежности к той или иной партии: меньшевики ли, независимый или народник, — все они могут быть коммунистами. Ограничение себя от «социал-предателей» по названию не дает никаких результатов, как и возврат к Марксу. По существу же большевистской концепции результаты и того меньше, ибо теоретические положения из коммунистического манифеста, под которыми подписались большевики, признаются и другими толками, те же положения, которые последними не признаются, не признаются и самим Марксом. Для доказательства приходится

еще раз повторять основные положения социальной философии марксизма. В то время как для нас, народников, наличие определенной среды, рассматриваемой как сочетание всякого рода условий, питающих среду и производительные силы, в том числе — необходимая предпосылка всякого развития, в глазах марксистов этой объективной причиной являются сами производительные силы. Закон эволюции определяется следующим образом:

«В общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли независимые отношения — отношения производства, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил» (Маркс).

Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собой определенную группировку людей в общественном производственном процессе, т.е. определенные формы производства, т.е. определенные формы собственности, т.е. определенную структуру всего общества. А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отражается вообще на всей психологии людей, на всех их привычках, нравах, взглядах, стремлениях (Н. Бельтов, стр. 175).

Называя себя «правверными» учениками, большевики, захватив власть, пытаются влиять на «их воли независимые отношения», создать такие отношения производства, которые соответствовали бы новым формам собственности, новой зарождающейся психологии людей, новым стремлениям. И эти новые формы производства жизненных благ должны определить единую объективную причину общественного развития — производительные силы. На голову поставленная философия.

По философии марксизма, фатальным результатом централизации средств производства и концентрации собственности в руках немногих индивидов была также централизация политической, по Ленину же и Троцкому — фатальным результатом централизации политической является централизация экономического. Вверх ногами поставленная теория.

По Марксу, независимые провинции, связанные одна с другой федеральными узами, но имеющие различные интересы, законы, правительства, слились в одну нацию с одним правительством, общими законами и одним национальным классовым центром, по Ленину — одна нация с одним правительством превратилась в федеративную республику с целым рядом правительств, целым рядом провинциальных законов. Мы, народники, говорим, что это плохо, но мы указываем Ленину, что это не по Марксу. И клич «назад к Марксу» — один лишь пустой девиз без глубокого внутреннего содержания, крик пустой, сломанный жизнью и нашей революцией.

Но, быть может, система коммунистического производства отличается большевиков от других партий и выделяет в особом производственном плане отличительные черты большевистского комму-

низма? Мне кажется, что такая постановка вопроса — самая правильная: творчество новых властителей только в этой области носит характерные черты, им одним присущие.

IV. Большевик и национализация

«Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской республики, подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами», — таков второй пункт декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой на III Всероссийском съезде Советов против максималистов, предлагавших: «Признавая, что все богатства есть или будут принадлежать, или созданы трудом многих поколений трудящихся, III съезд объявляет все средства производства и транспорта — фабрики, заводы, железные дороги, суда, здания — общественным достоянием и выражает свою твердую волю перейти на местах к немедленной организации передачи указанных средств производства в распоряжение классовых советских организаций при содействии и под контролем центральной советской власти».

Как я уже указывал, закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства очень скоро, под влиянием неумолимой логики жизни, превратился в закон только о Высшем Совете Народного Хозяйства, закон о «совнархозах», этих «самых оригинальных организаций, которые возникли в результате захвата политической и экономической власти рабочими и крестьянами» (Труды I Всеросс. Съезда Советов Н.Х. Речь Рыкова, стр. 1).

Совнархозы — «это есть непосредственное выражение рабочей диктатуры в области экономической. В конечном счете эти единственные органы рабочего правительства в области промышленности определяют и будут определять дальше всю экономическую и социальную политику советской республики» (там же).

В чем же проявилась оригинальность этих учреждений, как проявилась большевистская диктатура в области экономической? Каким планом руководились большевистские деятели при создании этого коммунистического детища? «Все, что мы знали, — говорил Ленин на I съезде совнархозов в июне 1918 г., — это то, что преобразование должно исторически, неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она долетит, что эксплуататоры неизбежно будут экспропрированы... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, но ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в том отношении решающие указания» (там же, с. 4).

Итак, программа большевизма в области промышленной сласталась из двух частей:

1). Незнания форм преобразования.

2). Необходимости коллективного опыта миллионов.

Как же строили большевики новое здание социалистического строя, не зная форм преобразования?

Они начали с организации высшего Совнархоза, которому подчинили всю экономическую жизнь и который составляется из представителей фабрично-заводских комитетов, имеющих прямое отношение и прямую связь с производством, а из представителей правительственных организаций, совсем не связанных с производством или связанных с ним косвенно — ЦИК, областных совнархозов, выявляющихся всего лишь «вспомогательными и исполнительными органами на местах», ВСНХ, разных комиссариатов и меньше половины представителей производственных объединений и то выбранных центром. Итак, сверху составленный единый орган «регулирует и организует все производство и распределение и непосредственно ведет всеми предприятиями и имуществами республики через свои учреждения». Фабрично-заводские комитеты, прямым путем связанные с массами, с заводской жизнью, с интересами производства, знающие его нужды и потребности, превращены в фабрично-заводские управления, две трети которых назначаются областными или ВСНХ и лишь «одна треть избирается профессионально-организованными рабочими предприятия». Необходимость коллективного опыта миллионов, о которой поведал миру Ленин, свелась к отстранению этих миллионов от участия в строительстве новых производственных форм, к бюрократической централизации не только «в области организации обмена и распределения», но и производства. И только в этой централизации — вся «оригинальность» этой системы, являющейся плодом марксистской природы большевизма, души и склада ума. Разберемся в ее значении для построения нового строя в переходную эпоху.

* * *

Частнопредпринимательская система хозяйства создавала веками психологию наемного работника, противоположную психологии владельца капитала. И противоположность их психологий вызвала борьбу и стремление рабочих к улучшению положения наемного труда. Задача социализма не только уничтожить эту борьбу уничтожением классов, но и уничтожить веками созданную психологию наемного человека, другому продающего свою рабочую силу, другому чем-то обманного, от другого в чем-то зависящего. Эта задача достигается созданием новых форм общественной жизни, покоящихся не на собственности, частной, общественной или государственной, а на пользовании тем, что никем и всеми создано, что никому и всем принадлежит, на что все и как-

дый в отдельности имеют равное с другими право; не на продаже кому бы то ни было своей рабочей силы, а на вольном, свободном труде в никому и всем принадлежащих заводах, никому и всем принадлежащими орудиями производства; не на противопоставлении отдельной личности или групп личностей другим группам и государству, а на полнейшем стихийно естественном слиянии личности с целым. Сами термины, слова, связанные с ними понятия, идеи буржуазного периода должны уничтожаться и заменяться другими, отражающими идеи, понятия, психологию, представления нового строя, строя социалистического. Достигают ли этой цели, выполняю ли поставленную задачу методы и формы строительства новой жизни, применяемые правящей партией? Их метод — насилие сверху. Их форма — централизация. Мы, максималисты, не против насилия. Мы его признаем, но тогда, когда оно понятно трудовым массам, когда оно не вызывает возмущения этих масс, тогда, когда оно санкционируется самими трудовыми массами. Для борьбы с уклонами трудового народа от истинных путей социальной революции мы, максималисты, применяем одно оружие, язык агитации, пропаганды, убеждения, сговора. Трудовые массы города и деревни — пролетариат и трудовое крестьянство — для максималистов — дети одной трудовой семьи, заинтересованной в развитии социальной революции; и если под влиянием целого ряда условий они направляют свою энергию во вред этой революции, то не стыком выпрямляется линия их строительства: не было примера в истории народных революций, чтобы народный гнев, возмущение и недовольство можно было побороть стыком и пулеметами, хотя бы и во имя высших целей, но народу непонятных. Возможно его подавить временно, заткнуть в подполье, карательными мерами привести его к видимому подчинению, но при первом же случае это недовольство, это возмущение грозной лавиной вырывается наружу, прокатывается по стране, сметая с пути все, что давило, тлело, усмиряло, подавляло. Этот путь — путь гибели революции. Есть другой путь: широкое общение с народными низами, творчество всех форм жизни с народом, с его организациями, проведение всех мер после детального обсуждения их в фабрично-заводских комитетах, союзах, советах, советах. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Ошибаются и творцы новых путей. Но если эти ошибки исходят от тех, кто сверху декретами, приказами делает все для народа, но без его участия, тогда эти ошибки не только задерживают правильный ход развития, не только отучают народ от самостоятельности, не только задерживают проявление его энергии и инициативы, — но возмущают и направляют народ против власти, творящей свою эгзагообразную политику. Ошибается и народ, творя жизнь через свои массовые организации. Но в этом случае народ на своих ошибках не только нащупывает равнодействующую новой жизни, эти ошибки не только научают его их не повторять, эти ошибки не только вызывают прилив новой энергии, жажду

борьбы с препятствиями и стремление их победить, но эти ошибки самого народа не дают ему возможности обвинить в них кого-либо, вне его стоящего. Он сам творец, он сам виновник своих бед. Кто не верит народной мудрости, его опыту и практическим знаниям, кто, как большевики, причисляет его к классу мелкой буржуазии, тот боится этих ошибок, этой самостоятельности, этой самостоятельности. Но глубокое изучение революционным народничеством широкого и глубокого моря народной жизни, его колоссального ума и житейской сметливости, его трезвости мысли и отращивания к скоропалительным выводам, дает нам, максималистам, уверенность и право констатировать, что уклоны народного творчества от главной линии, от столбовой дороги социальной революции незначительны, всегда неизбежны и менее гибельны, чем уклон власти, на народ не опирающейся. Тупик хозяйственный и политический, внутренний и международный — лучшая иллюстрация нашей отвлеченной мысли, на практике проводившейся в некоторых лишь местах и давшей самые благоприятные результаты. Их метод — насилие сверху — расшатывает революцию, их форма — централизация — ее губит.

1. Национализация хозяйства мыслима и в буржуазных условиях существования; отдавая производимые блага государству, эта национализация не только не смягчает системы неравномерного распределения благ между классами, но еще более углубляет пропасть между ними, укрепляя государственный капитализм и его представителей, передавая им льющую доло прибавочной стоимости, давая всем единым централизованным, мощным экономическим прессом наемный труд.

При системе трудового строя централистическая национализация перемещает лишь и эту часть прибавочной стоимости в руки государства, уничтожая эксплуатацию, как следствие монопольного права буржуазии на средства производства. И только в этом вся разница между системой буржуазной и системой социалистической национализации. Предоставление о государстве эксплуататоре и рабочем-наемнике, особенно в переходные к социализму периоды, остается в полной силе, в полной мере. Это представление крепнет на почве неизбежного в революционные периоды недовольства продуктами производства и потребления, распределения их по сокращенной против обычного норме, стремления центрального аппарата возместить сокращение выработки продуктов податием производительности труда путем перераспределения сил, использования сил, освоившихся в других отраслях промышленности и введения принудительной дисциплины на заводах и фабриках. Система государственной централизации вводит все эти разумные и необходимые меры сверху, помимо участия масс в обсуждении всего этого. Отсюда вытекает то, что старый психологизм противоположности интересов не изживается, а на почве конкретных фактов, из которых складывается вся заводская, фабричная и профессиональная жизнь рабочего, развивается, черпая подкрепление в не-

достаточно развитом сознании широких масс работников, могущем быть измененным не словом, а созданием новой хозяйственной основы, естественно-уничтожающей старые навыки, привычки, взгляды и понятия, в неизбежном нарастании волны недовольства, возмущения новыми порядками, методами и системами, ничем по форме не отличающимися от старых.

2. Система централистически национализированного хозяйства отдаляет массы от непосредственного участия не только в строительстве хозяйства и управлении предприятиями, но даже и от обсуждения вопросов, связанных с ними. Самое большее, что она может допустить, — это участие верхов рабочих в производственной жизни и то при условии самого тщательного их просеивания через начальническое сито. Отсюда и вырастает то прозное для судьбы социализма представление в умах неразвитых широких масс о центральной власти, стоящей над народом и управляющей производством, и работнике, продающем этой власти свою рабочую силу, как ранее он продавал свою силу буржуазии. Как раньше он боролся за свое существование с этой буржуазией, вырывая у нее уступку за уступкой, так теперь, имея перед собой другого покупателя, отвлеченное для него понятие государства, он на почве разрухи, отсутствия продовольствия, быстрого роста цен, непропорционального повышению заработной платы, стремится поднять свой прожиточный минимум, превращая на местах эту борьбу нерекою в спекуляцию на повышение оплаты труда, не выходящую из рамок рыночной жизни. В этой борьбе обе стороны постепенно вынуждаются к применению все тех же старых методов борьбы, методов двух сторон к противоположным [в] представлениям масс интересами — стачек, демонстраций, саботажа, с одной стороны, угрозы увольнений, полицейских репрессий, арестов — с другой. Параллельно со все разгорающейся борьбой растут, разумеется, субсидии развивающимся производствам, их не оправдывающим и тормозящим повышение производительности труда и развитие производительных сил страны. Рабочий класс, не втянутый непосредственно в строительство производства, приучается к взгляду на него, как на чужое ему, принадлежащее государство, которое обязано удовлетворить его запросы под страхом быть заклейменным врагом рабочего класса, у которого можно расхищать недостающее на поддержание своего существования. Создаются в итоге условия, делающие невозможным на рождение новой психологии, без которой трудовой строй немалым, без которой зачатки его обречены на отмирание. Это отмирание прогрессирует под влиянием еще другого фактора — неизбежного спутника централизации — бюрократизации управления.

3. Строй буржуазных государств допускает некоторый дуализм в управлении. Административно-гражданский аппарат находится всецело в руках власти, выбираемой или назначаемой, аппарат же хозяйственный, за малым исключением — в распоряжении частной инициативы, единоличной или групповой, государст-

вом не стесняемой, от власти отделенной. Управление громадными заводами, фабриками, мастерскими, железными и водными сооружениями, разработкой лесов и недр земли, поверхность ее и вод, развитием кустарного промысла и мелкого ремесла — вся эта широкая и многообразная экономическая жизнь капиталистических стран находится вне сферы компетенции органов политической власти. В ее руках находится один лишь политический аппарат, ничтожный в сравнении с мощным аппаратом, которым владеет частное хозяйство. И все же всем известна губительность политической централизации, неспособной удовлетворить и понять всех запросов местной жизни, неспособной вовремя откликнуться на поступающие страну бедствия, не доверяющей местным силам и знаниям, инициативе и энергии, не умеющей ни договориться, ни вовремя пойти на уступки, знающей лишь меры репрессий и давления. И не злонамеренность направляет политику центра, а уверенность в своей правоте, поддерживаемая определенными образом отражающимися в психологии власти фактами, действиями и выступлениями местной жизни. Вот почему существовали всегда и будут существовать центробежные силы, пытающиеся парализовать влияние на периферии, с одной стороны, с другой — тенденции к усмирению этих бунтующих сил, к еще большей централизации, следовательно, к росту бюрократии, служившей всегда «средостением» между центром и местами. И ясна для всех отрицательная ее роль во все эпохи, при всех типах управления и хозяйства. Бюрократия служебная не управляет, но и не испытывает непосредственно гнета управителей. И в одном, и в другом случае она пассивна. Вдохновение творцов систем ей так же чуждо, как увлечение исполнителей и непосредственных кузнецов этих систем. Для нее нет увлекательных стимулов, вызывающих на проявление энергии и инициативы. Она как бы вне бурлящей жизни, вне борьбы составляющих ее сил, она — «средостение». И вот почему ее самостоятельность минимальна, как и заинтересованность в ускорении темпа ее собственной работы, отсюда и канцелярская волокита, и раздражение ее непосредственных объектов, и бесплодная с ней борьба, растущая по мере роста и укрепления системы бюрократического централизма.

4. С уничтожением капиталистических отношений, с национализацией всего частного хозяйства перед государством ставится грозно вопрос о форме этой национализации. Большевизм избрал форму централистической национализации, присоединенной им к централизации политической. Получается такой громадный, такой промоздкий служебно-чиновничий аппарат, такое множество колесиков и маховичков, такая масса передаточных ремешков и сцеплений, столько сложных соединений, что помышлять о надежности работы, о ее цельности и крепости, о ее быстроте и успешности может только увлеченный своими кабинетными измышлениями книжник. Создается такая сильная передаточная армия, не принимающая непосредственного участия в создании материаль-

ных ценностей, чиновников, что борьба с ее невольным саботажем, бездельностью, неизбежной инертностью не под силу никакой власти. Под напором этой ежедневной, незаметной недейтельности разлагается постепенно весь механизм государственной, как бы крепко он ни был. И эта сила плотной стеной отделяет управляющие верхи от опекаемых низов, все больше и больше их противопоставляя, все больше и больше укрепляя в этих низах сознание о государстве, с которым необходима борьба для улучшения жизни масс, углубляя этим все отрицательные стороны политической централизации.

5. Государственный социализм заражен всеми отрицательными сторонами бюрократического централизма в гораздо большей степени, чем государственный капитализм, порождающий всегда своевластие и безответственность, разложение в верхах, раздражение в низах.

Весь ужас его заключается в развитии невольного саботажа и паразитизма. При минимальных идейных побуждениях вынужденных служащих новому, но не строителям и разрушителям старого, отсутствие других побудительных и творческих факторов, помимо насилия сверху, приводит вполне естественно к систематическому загныванию строящегося здания. Как бы ни развивалось государственное хозяйство, как бы ни были неисчислимы его недостатки, дефициты, — государственные служащие должны быть обеспечены: заработная плата должна быть выплачена, какое бы ни было состояние государственных финансов. Служащие, эти передаточные ремни хозяйственного механизма, работающая масса, этот непосредственный исполнитель хозяйственных предначертаний верхов, совершенно оторваны от общего плана производства и распределения, от управления и регулирования экономической жизни. Одни передают, другие выполняют. Как передают, как выполняют — это зависит от морального уровня масс. При современном положении выполняют плохо, передают еще хуже. Государство обязано бороться с этим невольным, порою злым саботажем. Как? Насилием, массовым расчетом рабочих, закрытием фабрик и заводов. Как отвечают рабочие? Как могут и должны они ответить? Стачкой, восстанием, террором — политическим, экономическим и аграрным. Методами им доступными, им понятными.

6. Максимализм выдвигает формы организованной хозяйственной жизни, парализующие все вредные стороны как социалистической национализации и централизма, так и частично предпринимательского индивидуализма: конструкцию экономической жизни снизу вверх, не только приучающую рабочие массы к самостоятельности и инициативе, но и к установлению определенной взаимозависимости и соответствия между производительностью труда и самодисциплиной, между производительностью труда и коллективным стимулом к работе.

Максимализм избегает таких форм, которые рождают неизбежно подобные столкновения, приостанавливающие развитие производительных сил, перенесением заинтересованности отдельных личностей на целые коллективы. Заинтересованность в сохранении и развитии предприятий, хозяйств, которыми пользуются коллективы, проявляется исключительно при условии сохранения зависимости между производительностью данного производства и количеством причитающихся коллективу продуктов из общей наличности произведенного в государстве. Максимализм не признает и форм децентрализованной национализации, ибо, хотя эта форма хозяйства имеет те положительные в сравнении с системой централизации стороны, что места имеют возможность проявить больше инициативы и самостоятельности, что при большом знании местных условий и сил позволяет правительству учесть производственных и потребительских нужд этих мест, облегчая этим и техническое налаживание нового аппарата, но психологические последствия децентрализованной национализации остаются в полной мере — то же предвещание о наемном труде и о государстве-эксплуататоре, с которыми неизбежна борьба, как и со всяким хозяйством казенного социализма, так же мало напоминающего коммунизм в производстве, как и национализация в строе буржуазного господства.

Национализация — типичная система всякого марксистского мышления, не только большевистского, содержит в себе столько же черт коммунизма, сколько их находится в политической системе большевизма или его системе распределения. Ибо коммунизм предполагает социализацию (вместо национализации) и федерализм (вместо централизма). Понятие коммунизма не покрывается понятием большевизма, не тождественно ему. И знак равенства, поставленный Лениным между большевизмом и коммунизмом, не выдерживает и малейшего прикосновения критики.

V. Диктатура и централизация

Переход буржуазного строя в строй социалистический возможен только через диктатуру трудового народа. Для большевиков, как для всех соц.-демократов, трудовым народом является пролетариат и беднейшее крестьянство. Как партия с определенной программой, тактикой, определенным миропониманием, оценкой переживаемых нами исторических моментов, большевики могут защищать пролетариат и беднейшее крестьянство согласно своей программе, этому миропониманию. Программа, тактика, миропонимание большевистской партии, включающей в свой состав, как и всякая партия, лишь часть пролетариата и беднейшего крестьянства, не совпадают не только с желаниями, интересами, миропониманием всего трудового народа, но могут и не совпасть с интересами тех, кого желает организовать эта партия. Отсюда и возникает борьба с народом во имя осуществления только партийной программы, только партийными методами и приемами. Сопротив-

ление же народа, естественное и логически вытекающее из его понятий о новой жизни и ее строительстве, приводит к диктатуре партии над народом.

Но помимо большевиков существуют и другие партии, также по-своему понимающие все вокруг происходящее, имеющие свою программу, свои принципы организации. Стремление и тех, и других защищать одни и те же интересы трудового народа разными способами приводит к партийной борьбе, продолжающейся до победы более сильной партии над менее сильной (так было у нас с левыми с.-р.) до появления у власти одной лишь партии, устанавливающей свою единоличную диктатуру и над всеми другими партиями, и над самим народом. Так произошло у нас, где царит одна лишь партия большевиков, «укрепляющая» трудовой строй вопреки пониманию и желанию народа, отметающая в сторону все критически относящиеся к целесообразности проводимого плана.

Отличительная черта партии — либеральной, радикальной, социалистической, коммунистической, все равно — захват и удержание в своих руках государственной власти. В этом — сущность всякой партии, в этом — ее душа.

Оставляя в стороне вопрос о психологии власти и логике положения правящей партии, необходимо признать, что сам по себе государственный аппарат является той притягательной силой, к которой стремятся все честолюбивое класса, становящегося у власти, все продажное и беспринципное класса побежденного. Отсюда и рост властвующей партии, ее разбухание, ее охват все новых и новых элементов, все больше негодных, все больше продажных, но в плен которых попадает в конечном счете идейное ядро правительственной партии. Это — закон, действующий во все периоды истории с железной необходимостью и приводящий в итоге к вырождению власти и превращению ее в аппарат насилия над массами, аппарат управления народом вопреки его желанию и пониманию, вопреки его стремлению к самоуправлению, стремлению к единственному допускающему полное освобождение народа от всех видов рабства, — политического, социально-экономического и духовного.

Но если меньшинство с трудом может править страной, хотя и в интересах народа, то, несомненно, нельзя ею править, да еще в революционные периоды, попирая все его интересы. На этом и споткнулись большевики, это загнало их в тупик — в тупик, утопанный им партийной диктатурой, как споткнулась на этом и стоявшая у власти партия с.-р., как споткнулся об эту диктатуру все партии, овладевшие государственным аппаратом.

Максимализму чуждо стремление управлять массами, подменить программу народного максимализма программным максимализмом своей организации, ибо для него «освобождение рабочих есть дело самих рабочих» — не звук пустой, не лозунг для вовлечения масс в борьбу за захват власти и проведения потом своей программы, а девиз самосозвождения, содержание которого, пре-

творяясь в жизнь, только и может привести к торжеству социальной революции. Наша роль сводится только к роли помощников народных, к роли агитаторов и проповедников идей максимализма через наши организации, должных стремиться влиять на стихийное движение народа, направлять его по пути творчества новых справедливых форм общественной жизни, влиять на народ примером, опытом и жизнью своей, сливаясь с ним, входя в организацию, созданные самим народом, работая с ним на поле, на заводе, на фабрике и в казарме, пока она существует.

Самоосвобождение трудящихся должно происходить организованным путем. Максимализм и выдвигает форму такой массовой, классовой организации самоосвобождения, — Советы депутатов трудящихся, в основу строительства которых положены следующие принципы:

1). Советы, свободно выбранные, опираются в своих постановлениях на наказы своих избирателей и считаются в своей работе с решениями ими созданных съездов Советов.

2). Советы должны состоять исключительно из делегатов, избранных полномочными органами труда (профессиональные), производственные союзы, сельские сходы, съезды Советов — из делегатов этих Советов, исполнительные органы — из делегатов, посланных сельскими сходами или Советами рабочих депутатов.

3). Всероссийский съезд Советов составляется из делегатов, избранных только на уездных съездах Советов из числа делегатов, избранных волостными сходами или городскими Советами. Всероссийский исполнительный орган должен представлять все уезды, пропорционально числу городского и деревенского населения.

4). Каждый член исполнительного органа ответствен только перед уездными и губернскими съездами своего уезда и губернии, но не перед своей партией или фракцией.

5). Правом отзыва депутатов пользуются лишь избиратели: волостные сходы и профес[сионально-производственные] объединения из местных Советов и губернских исполнительных органов, уездные съезды Советов — из центрального органа.

Революционно-социалистические партии могут работать во всех этих беспартийных органах как друзья народа и защитники его интересов, пользуясь везде правом совещательного голоса, но не правом подмены беспартийных Советов партийными комитетами, фракциями и ячейками, не правом подмены советской программы и платформы программой и платформой партийной, не правом замены диктатуры трудящихся через Советы диктатурой партии через ячейки, приводящей к диктатуре партии над народом. Вот почему мы против организации масс в политические партии, выдвигающей вместо них политическую организацию масс в Союзы, оставляющей организацию мнений вспомогательную роль — роль советников, но не управителей. Место революционера и социалиста — в народе.

Максимализм всегда резко критиковал систему партийной диктатуры, как и другую марксистскую систему — централизацию, лежащую глубоко в плоти и крови марксова учения.

Сущность централизации сводится к безусловному подчинению местному центру, подчинению всех сторон жизни целой страны, состоящей из областей, различных по условиям своего экономического развития, быта и нравов, обычаев и истории, указанным и инструкциям, декретам и циркулярам из всероссийского центра.

На этот путь вступила партия коммунистов-большевиков, сменяя выборных, заменяя их назначенными сверху, уничтожая коллегальность и вводя систему единоличного управления и ответственности, главным образом, в вопросах хозяйственного строительства. Система централизации вытекает из теории о наивыгоднейшем типе хозяйства — хозяйстве крупном. Как ремесло, говорит большевизм, уступило место мануфактуре, а последняя — современной крупной промышленности, так и современная крупнокапиталистическая промышленность должна будет уступить место крупнообщественному хозяйству, форма которого определяется всем предыдущим ходом развития, т.е. господством трестированных производств, монополизированных отраслей хозяйства, концентрированных в немногих руках.

Если бы 300 магнатов были заменены доверенными людьми пролетариата, все производство без дальнейших затруднений могло бы быть направлено в интересах рабочего класса вместо интересов капитала и переход к социалистической организации производства был бы начат¹.

Раз в России «крушение» уже произошло, остается лишь заменить «300 магнатов» доверенными пролетариата, каковыми при диктатуре правящей партии большевиков являются созданные ею органы политического и экономического управления — Совнарко́м и Совнархоз, единый магнат обобществленного капитала — государство. Это логически неизбежный вывод из всей большевистско-марксистской теории, вывод, сделанный большевиками и проводимый ими на практике в надежде, по-видимому, что новая экономика обусловит и новую политику, право, идеологию.

Правда, наивные товарищи могут спросить, почему же Советская Россия называется Федеративной Республикой? Ведь в понятие федерации составной частью входят понятия: 1) полной политическо-военной и хозяйственно-экономической государственной самостоятельности отдельных единиц федерации, 2) наличия центра только для согласования действий этих единиц из представителей их на основе равноценности единиц, 3) широчайшей автономии частей этих единиц и 4) выборности всех должностей федерации.

¹ Social demokratische Flugschriften XII. Imperialismus und Socialismus. 1912, s. 3. — *Прим. автора.*

рации — от коммунальных до центрально-федеративных. Понятие Федерации должно охватывать и понятия автономии и демократизма. «Федеративная» же Советская Республика в действительности является самой настоящей унитарной республикой, как бы ни прикрывалась она рядом ярлыков украинской, латышских, литовских, бессарабских, отличающейся самым крайним централизмом, отрицающей автономию областей и принципы демократизма, подавляющей всякую инициативу и самостоятельность. Зачем же этот декорум? Ответ все тот же: дипломатия и декалгия большевизма, победившая под лозунгами максимализма и опустошающая их, после победы, согласно принципам марксизма. Это логически-объективное объяснение происходившего и происходившего. Но есть еще и другое: психологическое, связанное с личностью вождя большевизма и строителя новой России.

Мы вернемся к 1903 г., к эпохе Плеве и его диктатуре во внутренней жизни России и к эпохе «Искры» во внутренней жизни с.-д. партии. Уже тогда Ленин развивал идеи недоверия пролетариату, способному лишь возвыситься до понимания борьбы за свои ближайшие интересы, но не до связи его классовых борьбы с общими задачами освобождения и уничтожения эксплуатации.

Уже тогда он противопоставлял рабочую массу кучке интеллигентных профессионалов-революционеров, которой он отводил диктаторские полномочия в партии, ее строительстве, руководстве борьбой с самодержавием. Он противопоставлял самый строгий централизм с его назначением демократизму, с его выборным началом, контролем над партийными руководителями и отражающими их взгляды органами. Руководство всем движением из единого центра, созданного из теоретиков партии, могущих сообразности числоту партийных принципов и идею классовой борьбы, — такова была задача Ленина и его сторонников.

Абсолютное подчинение этому центру всех отдельных частей, организационных, технических, пропагандистских, полная зависимость их от этой группы диктаторов, желавших управлять из прекрасного далека всем массовым движением, — таковы были идеи Ленина и его сторонников в дни строения с.-д. партии в 1903 г. И так, как с этой «простотой» и прямолинейностью не могли примириться практики движения, связанные с ним повседневной работой, вышедшие из самих масс, знавшие их настроение и отношение к принципам организационного строительства партии, то уже на втором съезде произошел тот раскол, который существует и ныне.

Нас здесь интересует не факт раскола с.-д. партии на большевиков и меньшевиков, а те приемы, к которым прибегал Ленин и Ко, чтобы добиться торжества своих идей и принципов. Мы их проследим со дня происшедшего раскола.

Когда на 2-м съезде Ленин понял, что состав ЦК партии не гарантирует ему победы, он придумал создание независимой от ЦК

заграничной редакции с правом руководства местной работой, на-деюсь провести туда своих сторонников.

Когда после объявления «Искры» органом партии Ленин не нашел и там своего большинства, он выставил требование о «твердом доверии» составе самого ЦК. Когда и это сорвалось, он потребовал устранения из редакции трех виднейших лидеров будущих меньшевиков, что привело к расколу партии.

Когда был принят параграф 1-й устава о том, что членом партии может быть всякий, признающий программу партии и работающий под ее контролем, Ленин, воспользовавшись уходом со съезда Бунда, добился принятия пунктов о самостоятельности комитетов, о назначении их ЦК, изгнав совершенно выборное начало из жизни негегельских с.-д. организаций, свел к нулю значение параграфа 1-го.

Когда ослабленные уходом Бунда меньшевики потребовали права свободной защиты своих взглядов в самой партии, Ленин и его сторонники в этом им отказали и начали изгонять из комитетов всех с ним несогласных методом фракционной диктатуры.

Когда после съезда Заграничной Лиги Ленин, оставшись в меньшинстве, должен был уступить редакцию меньшевикам, он перебрался в ЦК и оттуда проводил свои взгляды централизма, недоверия к самостоятельности пролетариата, его умению стойко бороться с царизмом и творить дело революции, взгляды о необходимости диктатуры партийных центров, вождей и даже вожда.

Когда в начале 1905 г. меньшевики предложили созвать съезд под контролем Совета, куда входили представители обеих фракций, большевики созвали съезд, изменивший устав партии, отрицавший существовавшие ранее партийные органы, исключивший всех, кто указывал на незаконность превращения в III съезд партии только части этой партии.

Так поступал Ленин с братией, когда он был эмигрантом и когда он мог применять лишь ограниченные меры воздействия на своих противников. Став у власти, он поступает ныне на практике так, как раньше в теории, применяя уже все меры воздействия, вытекающие из недоверия к тем, кого большевизм хочет облагодетельствовать... сверху.

Всемирная революция делается большевиками по Марксу, а российская — еще и по Ленину. Результаты уже очерчиваются.

VI. Программа максимализма в индустрии

Максимализм в основу своей экономической программы кладет принцип не только коллективного труда, но и коллективной заинтересованности. Как я уже указывал, социальная революция, уничтожая стимул личного интереса, как могущего двигателя развития общественно-политического и хозяйственно-экономического в интересах незначительного меньшинства, не заменила его, благодаря большевистскому догматизму и теоретизированию, ника-

ким другим равноценным стимулом прогресса в интересах громадного большинства.

В нормально функционирующем социалистическом организме, когда производительные силы настолько развиты, что количество произведенных благ достаточно для осуществления коммунистического принципа — каждому по потребностям — таким стимулом является высококоразвитая солидарность и чувство общественной ответственности, предполагающие предварительно длительное воспитание масс в строе, где частная собственность не является орудием эксплуатации и присвоения части неоплаченного труда рабочего класса. Лишь длительное пребывание работников в этом новом строе может создать ту новую социалистическую психологию, для которой коммунистическое распределение является такой же естественной системой, как для буржуазии — система индивидуалистическая. Этот переходный строй является тем, что максималисты называют Трудовой Республикой.

В политической области Трудовая Республика характеризуется переходом власти к трудовому народу в лице его свободно избранных Советов. В экономической области она покоится на следующих принципах.

1)¹ Коллективный труд и коллективная заинтересованность — стимул к развитию производительных сил, производительности труда и самодеятельности масс. Заинтересованность коллектива, чистота материального свойства, в непрерывном увеличении добычаемых благ, тесно связана с количеством благ, причитающихся коллективу, а следовательно, и каждой личности в отдельности. Это — подобие системы премий, отличающейся от премий государственного социализма или капитализма тем, что эти премии получает не наемный труд от своего хозяина, будь то предприниматель или государство, а труд коллективный, пользующийся общественными орудиями производства, в зависимости от собственной коллективной энергии, инициативы и самодеятельности. Эта система создает соревнование между отдельными коллективами, ведущее этот синдикальный социализм постепенно к высшей форме социализации. Каким путем?

а). Проведением принципа экономического равенства в пределах каждой производственной единицы.

б). Распространением этого принципа на все территории, охватывающие постепенно всю промышленность страны.

Таким образом, производственный организм страны складывается из целого ряда производственных коммун, потребление которых пропорционально производительности их труда. Неравномерность распределения межкоммунная остается в силе лишь на менее или более длительные периоды реорганизации снизу вверх всей про-

¹ Пункт 1 этой главы является личным взглядом автора. Редакция.

мышленности рабочими синдикатами, охвата ее единым федеративным организмом, втягивающим в работу управления, учета, распределения, организации, расширения производства всю рабочую массу. Это — школьный период ее, период выучки, изживания старого административного аппарата и вытеснения старого технического персонала. Это — период естественного типотения отдельных производственных единиц к объединению, к расширению их в области, всероссийские, вызываемого объективной необходимостью правильного и пропорционального распределения средств производства и потребления и ведущего от производственного коммунизма к коммунизму распределения. И вместе с расширением этих производственных коллективов расширяется и поверхность приложения принципа экономического равенства, превращающегося медленно и постепенно в принцип коммунистический — по потребностям и способностям — параллельно с увеличением производственных и потребительских благ. Лишь такая переходная форма, базирующаяся на праве пользования коллективами орудиями производства, переданными в общественное достояние, отвергающая в то же время принцип экономического принуждения в области кустарного и ремесленного производства, не пользующегося наемным трудом, создает и развивает самодеятельность, коллективную инициативу, укрепляет самодисциплину, повышает производительность труда и заинтересованность в процветании хозяйственной жизни страны. Перескочить через эти переходные формы к формам идеальным без создания предварительной основы, воспитывающей новую массовую психологию, чуждую самому понятию собственности, нельзя, не опрокинув всего строившегося здания в пучину безысходной реакции.

Опасность превращения этой системы в так называемый корпоративный социализм парализуется: 1) контролем коммунално-советским над производственным коллективом, 2) сохранением текучести его состава, 3) обложением, уравновешивающим положение отдельных производственных единиц и их объединений.

Советский контроль означает контроль потребительной коммуны над производителями. Первая — шире второй. Первая охватывает еще и широкие слои служащих разных учреждений — просветительных, медико-санитарных, обеспечения, военных, милицийских, продовольственных, экономических, широкие слои бюрократии, неизбежного спутника всякого организованного общества. Трудовая республика признает право этих производителей коммун на активное участие во всех делах коммуны, правильное функционирование которой — залог благосостояния всех — и производителей, и потребителей. Этот контроль уничтожает могущую возникнуть обособленность первых от вторых, ставит первых в подчиненное по отношению ко вторым положение, отрицает самостоятельность в вопросах распределения производственного и его учета.

Вместе с этим контроль следит строго за сохранением основного принципа Трудовой Республики — права на труд. Передача заводов, фабрик, мастерских работникам, в них занятым, может родить мысль о праве их не только на пользование орудиями труда, но и на владение ими со всеми вытекающими отсюда последствиями. Первым из них может быть стремление сохранить постоянство данного состава недопущением «чужих» данному предприятию рабочих сил. Уже сейчас, при громадной армии безработных и всеобщей разрухе замечается тенденция профессиональных союзов закрывать двери вновь притекающим к ним членам. Эту тенденцию сейчас и в будущем необходимо парализовать самым строгим контролем действий производственных коллективов и производственных союзов по отношению к вновь поступающим, сохраняя в то же время нормальную производительность предприятия. Последнее, обратно пропорциональное текущей составу, должно быть парировано широкой советской организацией государственных работ, поглощающих весь рабочий изгишек, вступление которого в предприятие понижает его производительность.

Наконец, подобная организация производства неразрывно связана с введением государственного обложения производственных коллективов, с одной стороны. С другой — это обложение является методом уравнения доходности коллективов, постепенное и систематическое понижение которого приводит к всеобщему экономическому равенству, а через объединение в единой конфедерации труда всего производства и перехода к натуральной оплате труда, а потом и к замене оплаты распределением продуктов по потребностям — к коммунизму.

II. Социализация производства с точки зрения максимализма предполагает не государственное управление и контроль рабочих, а, наоборот, государственный контроль и рабочее управление. Ибо, как мы указывали в предыдущей главе, первое — национализация промышленности — приводит к укреплению психологии наемного труда в более обширном размере, чем в строе капиталистическом, к бюрократизации управления, к всемерному центризму, к созданию новой касты властителей и т.д. Другое — социализация промышленности — связано с федерированием промышленности, с развитием массовой самостоятельности, с проявлением инициативы, укреплением заинтересованности в процветании питающего отдельные коллективы производства, к контролю над действиями фактически управляющего коллектива (ФЭК), к самоконтролю, должному в конечном счете заменить собой контроль государства, осуществляя полностью принцип рабочего управления производством.

III. Следующим производственным принципом максимализма является участие в управлении предприятиями, простых и комбинированных, непосредственных работников данного предприятия. Разумеется, это положение мы не толкуем в смысле участия всех в управлении. Но все выбирают свой фабрично-заводской коми-

тет, который, заменяя старого хозяина, находится под непрерывным контролем массы, с которой он совещается, к голосу которой он прислушивается, объединяя кругом себя всех без исключения участников предприятия, которые лучше кого бы то ни было знают все стороны жизни и условия производства. Сознание участников предприятия о зависимости их благополучия и количества доли продуктов от работоспособности и самостоятельности каждого члена вызывает контроль масс за деятельностью фабрично-заводских комитетов, а этих последних за производительностью выбравшей их массы.

IV. Принцип выборности — необходимое условие самостоятельности масс, являющийся, в свою очередь, первым и главным условием обобществления жизни. Где этот принцип нарушен, где выборность сменяется назначениями сверху, там кончается творчество масс, начинается декретирование и бумажное введение коммунистического рая, вызывающее недоверие и раздражение непосредственных участников и взгляд на предприятие как кому-то — хозяину, государству, муниципалитету, Совету — принадлежащее. Избегнуть этого возможно исключительно выборностью должностей. Последовательно проведенный принцип трудовой повинности, распределив все рабочие, технические, административские и коммерческие силы, создает естественный подбор участников предприятия по наклонностям и способностям. Это делает ненужным переуплотнение производственных сил сверху путем их назначения.

V. Для управления производством необходима организация рабочих в союзы производственные, но не профессиональные. Это — наша старая точка зрения, которую мы отстаивали тогда, когда все социалистические партии вплоть до большевиков доказывали, что рабочий класс начинает развивать свои механизмы защиты и нападения в профессиональных союзах, кооперативах, биржах труда.

* * *

Основой буржуазного общества является частная собственность на средства производства и вытекающее отсюда присвоение части неоплаченного труда покупателями рабочей силы. Стремление одних увеличить присваиваемую себе в виде прибавочной стоимости часть, стремление других увеличить свою заработную плату и создает ту борьбу между капиталом и наемным трудом, которая, постепенно развиваясь, приняла формы организованной классовой борьбы.

Успех этой борьбы зависит исключительно от солидарности между самими рабочими, в частности, между квалифицированной и неквалифицированной их частями, от их силы сопротивления, стойкости и выдержанности. Отсюда и стремление рабочего

класса к созданию рабочих союзов, к организации боевых рабочих сил в мощные объединения.

Это все — азбука рабочего движения. Но если асна необходимости союзов, то формы их и задачи, им предстоящие, вызывают разногласия, подлежащие детальному анализу. Эти формы зависят от целого ряда условий экономических и психологических, от народного быта и его характера. Народ может представить собой и способную к возмущению, и серую, урановещенную массу, трезвость мысли которой убивает всякую способность к увлечению красотою идеи и целостностью ее построения. Народ может быть проникнут глубоким, развешающим его душу, упорным и вредным индивидуализмом и мешанским спокойствием. Народ может быть легко возбудим к протестам, к выступлениям и даже восстаниям. Все это вместе с традициями борьбы, со всем укладом прошлой исторической жизни и особенно цель движения, оказывает влияние на формы рабочих объединений.

До сих пор в странах буржуазного развития существуют две их формы в зависимости от указанных условий: англо-германская и французская. Первый тип союзов характеризуется приналежностью их членов к одной и той же профессии, борьбой за ближайшие интересы чисто материального характера, централизацией союзов, передовиером прав центральным органам, единой кассой борьбы, руководством его из центра.

Выставляя своей программой борьбу за ближайшие интересы, профессиональные союзы этого типа имеют возможность сорганизовать большинство рабочего класса. Для этого рода движения не опасно, что по своему составу этот вид организации представляет собою смесь групп, однородных экономически, но разнородных по своим социально-политическим взглядам. Это не влечет на крепость союза. Борьба за ближайшие интересы не может вызвать принципиальных конфликтов, ибо — и опыт это подтверждает — различные взгляды сглаживаются в непосредственной и одинаково для всех необходимой борьбе и теряет свою остроту. Но в борьбе за замену одного общественного строя другим эта разнородность взглядов имеет крупное значение вплоть до выступления одной профессии против другой даже в одном и том же производстве. Помимо всего связь союза по профессиям с производством, как таковым, минимальна и в дни переворотов, захват производств, регулирование и контроль над ним ведет не профессиональный союз, а рабочее данное производства.

И так как одной из главных задач централизованных в один национальный союз профессий являлось руководство борьбой с капиталом, то после переворота это, разумеется, отпадет вместе с борьбой за коллективный договор для поддержания заработной платы на нормальном уровне. Целый ряд других мер, как организация дорожного пособия в целях быстрого размещения, продвижения и поддержки безработных, не составляя специфических особенностей этих союзов, как и обеспечение на случай старости,

инвалидности, болезни могут явиться в капиталистическом обществе задачей союзов какого угодно типа, в трудовом же обществе — задачей государственной. Но учет и распределение рабочей силы, участие в планомерной организации производства, распределение продуктов и даже руководство борьбой с государством, национализировавшем производство, контроль над ним, — все это задача исключительно производственных, но никаких иных объединений, охватывающих всех рабочих производства и исключаящих принцип добровольности при поступлении в профессиональные союзы.

Таким образом, функции союзов по профессиям почти отпадают в жизни будущего общества. Цель их — узкопрактическая, не выходящая за пределы борьбы во имя подъема жизненного уровня рабочих, условий их работы, не покушающаяся на капиталистический строй. Поэтому профессиональные союзы этого типа могут играть классовую роль в жизни рабочих лишь до тех пор, пока логика борьбы, логика социального развития не выдвинула другой цели, других задач, монополизированных социалистическими партиями, поддерживаемыми этими объединениями до тех пор, пока власть не перешла в руки трудящихся.

* * *

Классической буржуазной страной союзов-синдикатов является Франция. Здесь объединение пролетариата происходит не только для защиты их духовных, материальных, экономических и профессиональных интересов, но и во имя уничтожения системы наемного труда и капитала. Сразу бросается в глаза та коренная и глубокая разница, которая разделяет синдикаты от объединений по профессии. В то время как профессиональный союз преследует лишь защиту интересов своей профессии, синдикат является рабочей организацией, стремящейся положить предел эксплуатации человека человеком, подготовляющей капиталистическую экспроприацию, которую делает не партия, захватившая власть, не парламентским или иным путем, а «корпоративные организации и биржи труда», сделавшиеся «очагами и центрами новой общественной жизни». В прямой зависимости от цели находится и форма французских союзов. Подготавливая экономический переворот, они должны быть организациями боевыми и классовыми. Их тактика — революционная, класс против класса. Для этого необходимо сейчас создавать «основные организмы будущего строя».

«Такими классовыми учреждениями пролетариата, которые являются в настоящее время органами борьбы за освобождение, а в будущем обществе станут органами производства и общественно-го управления, синдикализм признает синдикаты, биржи труда, федерации и конфедерации».

Основной ячейкой организации является синдикат, объединяющий производителей или одной профессии (ремесла), или

одной и той же отрасли промышленности. Следующей ступенью являются биржи труда, объединяющие местные синдикаты всех профессий. Далее следуют областные и национальные союзы синдикатов, разделившиеся на федерации по ремеслам и федерации по отраслям промышленности. Все эти объединения возглавляются Всеобщей Конфедерацией Труда, распадающейся на две секции: ремесленных и промышленных федераций и бирж труда.

Такова конструкция французских рабочих объединений, созданная на принципе федеративных отношений и автономии организаций, подчиняющихся принятому уставу. Имея все положительные стороны союзов по профессиям, синдикаты фактом признания своей конечной целью «экспроприации экспроприаторов» приобретают одну черту, которая неизбежно приводит их к борьбе программ и плана будущего общежития. Ибо и эти объединения составляют из лиц разных социально-политических взглядов. При различии мнений в организациях беспартийных систематизировать борьбу за ближайшие цели и борьбу за освобождение труда в социально-революционное движение масс возможно при подчинении всего движения единой всеобщей идее, массами инстинктивно чувствуемой идее. Такой идеей может быть разрушение паразитического строя и построение на его развалинах строя трудового.

Синдикализм и выдвигает этот строй.

Синдикализм ставит своей целью создание нового строя по принципу экономического федерализма, делающего ненужным современную организацию политического централизма, следующим путем:

1). Путем превращения синдикатов и их федераций из органа борьбы в орган общественного производства, поставляющего федерации сведения о положении синдиката, количестве требуемых рабочих рук, количестве вырабатываемых продуктов, потребностях данной местности, 2) путем регулирования федерацией производства и поднятия производительности труда, 3) путем передачи всеобщей федерации труда всей статистики страны и международного обмена, 4) путем распределения продуктов по коммунистическому принципу биржами труда на заведомых ими общественных магазинах; ведения ими статистики местного производства и потребления согласно данным синдикатов и федераций; ведения местной статистики излишков и недостачи продуктов; заведывания местной администрацией.

Таковы принципы. Принципы, усвоенные русской социальной революцией, превратившей их в жизнь, как только власть перешла в руки трудового народа, и внесшей в эти принципы целый ряд поправок и изменений.

Русская трудовая революция ясно показала, что объединения по профессиям не имеют прямого отношения ни к регулированию производства, ни к обмену, ни к учету продуктов. Биржи труда, которые по плану французских синдикалистов должны в будущем

выполнять функции производительных, административных распределительных органов, на самом деле никакого к этому отношения иметь не могут. Их роль совершенно иная.

Весь этот план нуждается в коррективах. И эти коррективы дала русская революция, выдвинувшая фабрично-заводские комитеты как органы управления производством, правления производственных союзов, как органы объединения всех участников предприятия, и биржи труда при них, местные, областные и центральные, как органы регистрации и учета рабочей силы на основании сведений, предоставляемых соответствующими производственными объединениями.

В общих чертах формы рабочего управления, принимая за исходную точку принцип максимализма, принцип ведения производства самими производственными объединениями, представляется нам в следующем виде:

1. Основной, единственно важной и необходимой ячейкой в каждой производственной единице, на фабрике, в мастерской, на заводе, но не в целой отрасли промышленности, охватывающей ряд производственных единиц, — является фабрично-заводской комитет, избираемый всеми работниками данной единицы; управление производством находится в его руках, ведение его подчиняется общему плану, выработанному конгрессом представителей всех отраслей промышленности, главным образом, смежных.

Во главе предприятий комбинированных стоит управление, составленное из представителей от всех входящих в предприятие единиц.

2. Однородные в производственном отношении предприятия организуются в районные, а потом и во всероссийские организации по отраслям промышленности, образуя районные и всероссийский Союзы Фабрично-Заводских Комитетов, избираемые съездами производственных союзов.

3. Последнюю инстанцию производственных центров составляет Общероссийский Совет Фабрично-Заводских Комитетов всех отраслей промышленности, избираемый всероссийским съездом производственных союзов.

Подобная конструкция управления предприятиями, перешедшими в общественное достояние, делает совершенно излишним существование ВСНХ, как высшего органа управления. Его роль, его права и обязанности переходят к Общероссийскому Съезду Фабрично-Заводских Комитетов. Этот самый решается вопрос о взаимоотношениях Советов Народного Хозяйства, как государственных органов, и производственных объединений, превращающийся в вопрос о взаимоотношениях Фабрично-Заводских Комитетов и производственных союзов.

Фабрично-Заводские Комитеты — органы управления, налаживания производства, расширения его. В компетенцию их входят:

а) получение и доставка причитающихся им, согласно общего плана разверстки, сырья или полуфабрикатов;

б) превращение их в товар, годный для потребления, распределение сырья между отделами, регулирование работами, постановка административного и технического аппарата, введение улучшений, выполнение постановлений съездов об условиях труда, организации внутреннего распорядка в предприятиях, не понижающего ни производительности труда, ни его интенсивности, производство ремонта, расширение и переоборудование мастерских;

с) определение себестоимости (в часах или рублях) продукта, связанное с определением степени использованности машин, определением нормальной и действительной производительности труда и т.д.;

д) составление смет, производственного плана, выработка плана снабжения, отстаивание этого плана перед высшими органами федеративного объединения;

е) надблюдение за выполнением заданий Ф.З. Комитетов всеми низшими инстанциями — от заводских отделов до цеховых станций, утвержденных общим собранием производственной единицы;

ф) производство учета произведенного продукта по родам и видам (статистика производства), транспортирование готового продукта согласно общему плану и по указанному центру. Органы распределения.

Ф.З. Комитеты рассматриваются нами не как органы командования сверху, а как органы товарищеского содействия словом и примером на те массы, волею которых они были избраны. Непрерывное общение с этой массой, политика втягивания ее в обсуждение возможных вопросов, методы общего их разрешения, тактика воздействия на несознательный, саботирующий элемент, тактика карания неподчиняющихся через массы, на основе их санкций — таковы методы управления Ф.З. Комитетов. Неотрывность, неотчужденность, полное слияние выбранных органов с массой сохраняет им авторитет и возможность наладить дело, ставя в то же время всю интересующуюся и искренно заинтересованную в сохранении производства часть в положение контролирующего и направляющего органа, находящегося в курсе всех заводских мероприятий, в положение хозяина, вынужденного беречь свое добро, часть всего общенародного богатства. Принципы не начальнического командования, а товарищеского управления определяет взаимоотношения Ф.З. Комитетов и низших органов управления, комбинирующие принципы подбора и выборности. Заведующие разными отделами производства, цеховые старосты, мастера не назначаются сверху, а избираются общим собранием, причем Ф. Зав. Комитету предоставляется право, как и всякому

отдельному лицу или группе лиц, выступать ту или иную кандидатуру из среды участников данного производства и защищать ее путем устного слова и печати. Но в период происходящей перегруппировки технического и административного персонала должна быть, разумеется, широко использована система подбора, подбора гласного, открытого, с разрешения и утверждения общего собрания участников предприятия.

Комбинированное предприятие охватывает ряд дополняющих друг друга производств. И так как во главе каждого из них находится свой Ф.З. Комитет, тесно уже с массой связанный и спаянный, то представляется совершенно излишним и ненужным выбор производственным объединением представителя в управление комбинированного предприятия. Он делегируется каждым Ф.З. Комитетом или съездом всех Ф.З. Комитетов комбинированного производства, но по принципу представительства каждой заинтересованной единицы. И это делегирование сохраняет силу и для всех остальных высших производственных инстанций.

а). Управлению принадлежит общий надзор за правильным функционированием сложного предприятия.

б). Оно распределяет предметы средств производства по отдельным производственным единицам и ведет их учет.

с). Перераспределяет рабочие, технические, административные и коммерческие силы согласно сведениям производственных единиц об их сокращении или расширении.

д). Суммирует сведения о произведенных продуктах.

Во главе целой отрасли промышленности находится управление, права и обязанности которого основаны на принципах управления сложных предприятий. Съезд данной отрасли промышленности избирает это управление, не сохраняя принципа представительства от каждой данной единицы.

Все здесь сказанное всецело относится и к Центральному Совету Ф.З. Комитетов, организующему:

1. Центральную статистику производства и распределения.

2. Общий надзор и согласование частей общественного производства всей страны.

3. Распределение соответствующими секциями произведенных средств производства и потребления.

Необходимо сказать, что управление не пользуется правом вмешательства в решения и постановления Ф.З.К., но лишь правом апелляции к общему собранию участников предприятия, как и рабочий контроль. Общее собрание или делегатское на местах, съезды для более крупных объединений — последняя инстанция и единственный судья всех споров и разногласий.

Задачи федерации труда и ее автономно исполнительных органов на местах сильно упрощаются с уничтожением капиталистических отношений. Борьба за экономические и правовые интересы рабочих заменяется содействием их умственному, нравственному и

политическому развитию. С этой целью Конфедерация Труда организует культурно-просветительную работу, издает журналы как общего, так и профессионального характера; содействует созданию местных и районных объединений; организует собрания, съезды; следит за выполнением фабрично-заводскими комитетами постановлений съездов об условиях труда (заводская гигиена, школьное образование) и жизни рабочих; является представителем рабочих перед другими общественными организациями; разрабатывает законопроекты, отражающие интересы производителей и проводит их через советские учреждения, пока не произошло их отмирание и, наконец, организует рабочий контроль — тот первичный контроль, который, развиваясь, постепенно охватывает всю промышленность, заменяет контроль государственный и становится самоконтролем.

В период разрушения старого и создания нового, в длительный и мучительный переходный период от буржуазного общества к трудовому — к этим задачам присоединяются еще и другие. Поскольку в этот период сохраняется заработная плата, постольку перед производственными союзами стоит вопрос о выработке и проведении нормальных тарифов (тарифные оклады) и боевых фондов, о защите рабочих интересов перед органами управления государством, о защите прав союзов как производителей. Наш период характеризуетя захватом и политической, и экономической власти одной партией, подчиненностью ей профессиональных союзов даже в вопросах производства, навязыванием сверху органами политической власти производственным союзам руководителей и управителей, отколом подобной политической верхов от масс, а работников города от работников деревни, созданием бюрократического средостения между народом и советской властью.

Социалистическая партия есть союз лиц одинаковых убеждений, выраженных в программе, сквозь призму которой и рассматривается вся жизнь трудового народа. Партия есть союз лиц, ставших своей целью завоевание политической власти. И поэтому от ее взора довольно часто ускользают многие факты повседневной жизни, она (партия) не охватывает всей ее шири, не выражает всех ее требований, не организует борьбы за все ее интересы.

Для социально-революционного, истинно-трудового переворота необходима наличность на местах классовых групп производителей. А так как партия, как политическая группа производителей, не может быть превращена в организацию производственную, то ее задача — способствовать перевороту, но не быть руководителем экономической реорганизации общества в революционный период. И всякие уклонения от этого положения, всякие попытки соединить в своих руках и социально-политическое, и экономическое руководство жизнью страны рано или поздно приведут к краху. Симвомы надвигающейся грозы налицо. Партия, даже революционная, но построенная по принципу централизма, способствует апропрированию воли в организованных ею массах, отнимает у них

всякую возможность проявления инициативы и энергии, влияя таким образом на постепенный упадок революционного заката партии. С другой стороны, возможность ее пополнения членами разных настроений и воли, вследствие непрерывного роста партийных организаций или подчинения низов верхам является также причиной превращения революционной и социалистической партии в партию социал-реформаторскую. Лишь организация, связанная в целом и в ее отдельных частях с внутренней и внешней жизнью производственных организаций, может быть организацией строительства. Такой организацией являются производственные союзы, которые и должны принадлежать вся власть в области экономических отношений.

Факты говорят за то, что эта простая истина будет понята господами положения слишком поздно, что опасность опытов на живом теле народа для судьбы социальной революции для них еще не совсем ясна. И возможно, что уроки жизни будут понаты ими тогда, когда нечего будет спасать, если рабочие массы и их союзы будут апатичны и инертны. Социальная революция под влиянием этих экспериментов суживает свою базу, размах, в ней уже нет той жизненности, энергии, мощи, которая характеризует развивающуюся и идущую в гору революцию.

Задача профессиональных союзов, прямой долг производственных объединений — бороться с этим злом, пожирающим душу великого движения. Бороться всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Задача внеклассовых объединений — только помогать этой борьбе, помогать как можно безболезненное и полнее изжить эту болезнь, залечить нанесенные делу социального освобождения раны, раскаты задравшие силы, поднять их на борьбу за полное раскрепощение трудовой личности и установление истинно свободного советского строя.

VII. Аграрный вопрос и максимализм

Максимализм рассматривает аграрный вопрос не только как вопрос земельный, но и сельскохозяйственный, не только, как вопрос о наивыгоднейшей, с точки зрения производственной, форме распределения земли на участки, но и как вопрос о наивыгоднейшей форме эксплуатации этих участков, как вопрос о форме организации работников земли в единую боеспособную и обороняющуюся силу. Такая постановка вопроса отнимает нас, максималистов, от всех других течений мирного и революционного народничества, для которых аграрный вопрос — вопрос только земельный, и от всех направлений марксизма, для которых аграрный вопрос — вопрос еще и тактический. Именно такое отношение к аграрному вопросу большевиков и обусловило запоздалую их земельную политику, расписавшуюся сначала под законом о социализации земли, проведение которой предоставлено было местам,

заменившую потом этот закон законом о социалистическом земледелии, обратившем главное внимание на советские хозяйства вместо прежних коммун, готовую заменить и те, и другие хозяйствам артельным и вообще рассматривающую этот вопрос с точки зрения общеполитической и продовольственной переходного революционного периода.

В переходный к полной социализации период максимализм связывает аграрный вопрос с вопросом не только развития социальной революции, но, главным образом, с вопросом промышленным, рабочим. Ибо с дезорганизацией промышленности, закрытием фабрик и заводов, являющимися естественным и неизбежным следствием всякой трудовой революции, уменьшается количество вырабатываемых фабрикатов для деревенского обихода и нарушается установившееся в дореволюционное время равновесие между городом и деревней. Но крестьянство все более и более приспосабливается к новым условиям, удовлетворяя все свои потребности домашним, кустарным способом. Город же не в состоянии обойтись без продуктов деревни, не в состоянии прокормить себя ни созданием «национальных латифундий», ни урбанизацией сельского хозяйства. Даже при полном успехе этих начинаний рабочие городов не в состоянии обойтись без хлеба деревни. Роль сельского хозяйства становится поэтому первоочередной, а значение трудового крестьянства для торжества социальной революции все более и более огромным, особенно в связи с ростом гражданской войны, отрезающей города то там, то здесь от хлебных, нефтяных, угольных мест, заставляя рабочих бросать станки, уходить в деревни и садиться на землю, приводя к дроблению земельных участков и, следовательно, к понижению их производительности.

Особенно верно это по отношению к России, где трудовое содержание революции предопределило затяжной ее характер, а, следовательно, и недостаточное насыщение внутреннего рынка фабрикатами и полуфабрикатами в течение долгого периода времени; где истощение производительных сил оказалось наиболее сильным вследствие недостаточной развитости нашей индустрии; где сельское хозяйство вообще преобладало над индустрией, накладывая свой специфический отпечаток на все наше движение.

Ясно, что к решению аграрного вопроса необходимо отнестись с наибольшим вниманием и отнести ему центральное место в построении программы, осуществление которой должно привести социальную-трудовую революцию Советской России к победе.

* * *

Решение аграрного вопроса максимализм видит только в социализации земли, понимаемой им как социализацию сельского хозяйства и распространяемой в конечном счете и на обработку земли (на рабочую силу), и на распределение (на продукты труда), и на потребление.

Даварский закон о социализации земли подходит к разрешению всех этих вопросов, подводя крепкий фундамент под все завоевания трудового народа, создавая почву для перехода трудовой нашей революции в социалистическую, и исходя из той простой истины, что победа социальной революции в России возможна в том лишь случае, если экономическая политика власти в вопросах сельскохозяйственного строительства, при прочих равных условиях, привлечет на свою сторону не только беднейшее крестьянство, но и среднее трудовое, базируясь на основном положении о преимуществе крупного трудового хозяйства перед мелким.

Этот закон радикальным образом порывает с собственническими началами и устоями в области поземельных и связанных с ними отношений. Вся земля со всем, что в ней и на ней есть без всякого выкупа отбрасывается у землевладельцев. Этим самым с корнем уничтожается класс землевладельцев — этот всгдашний и наиболее ненавидимый народом оплот всякой реакции и контрреволюции. Освобожденная от пут частной собственности, земля не становится государственной (национализацией) или муниципальной (муниципализацией). Нет, собственность совсем выбрасывается из круга правовых отношений к земле, и верховным началом признается здесь принцип равного и трудового права на пользование землей для личных целей и начало общественной полезности и необходимости по решениям и под контролем Советов и их отдельных земельных отделов. В этом отношении основной закон о социализации земли представляет громадные преимущества не только перед декретом о земле от 26-го октября, но и перед колгоспным проектом основного закона о социализации земли, представленным им учредительному съезду. В проекте Колгоспа и в декрете о земле отменялась лишь частная, или даже уже — помещичья земельная собственность и взамен ее вводилась собственность государственная, не уничтожающая хозяйских прав на землю и допускающая аренду и отчуждение ее по усмотрению органов государственной власти. Кроме того, по проекту Колгоспа и по декрету от 26-го октября, право распоряжения землей отводилось земельным комитетам, особым государственным органам, вышедшим из всеобщего голосования и независимым от местных Советов. В принятом основном законе, наряду с земствами и думами, выброшены также и земельные комитеты, и все дело проведения в жизнь социализации земли возложено на органы советской власти, в частности, на земельные отделы Советов. В отношении применения права на землю принятый закон является прежде всего великой экономической хартией земледельца, предусматривающей и обслуживающей его важнейшие интересы: право в первую очередь на пользование землей, на страхование за счет государства, на случай старости, болезни, увечий, нетрудоспособности; на случай пожара, падежа скота, неурожая, засухи, градобития и других стихийных бедствий, наконец, на признание всех нетрудоспособных членов и их семейств. При этом земледель-

лец не обязан платить что-либо за землю и пользование ею, и лишь излишек дохода, получающийся в результате природной или рыночной неодинаковости участков земли — так называемая дифференциальная рента — поступает на общественные нужды, в распоряжение Советов. Уничтожая класс землевладельцев, порывая с собственническими началами в области земельных отношений, служа великой экономической хартией земледельцев, принятый закон стремится содействовать дальнейшему необходимому процессу социализации самого сельского хозяйства, процессу обобществления земледелия. В отличие от колтасевского проекта и от декрета 26-го октября, январский закон ставит своей задачей «развитие коллективного хозяйства в земледелии в целях перехода к социалистическому хозяйству», при установлении порядка передачи земли в пользование отдает предпочтение трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами — и «в целях скорейшего развития социалистического земледелия оказывает всяческое содействие для планомерного и научного ведения коллективного хозяйства, для общей обработки земли, давая преимущество трудовому коммунистическому артельному и кооперативному хозяйству перед единоличным»¹.

Но этот закон, как указывалось уже выше, противоречит всем основным положениям большевистского марксизма о социальном развитии, всем его взглядам и понятиям о трудовом крестьянстве и его роли в революции. И вот в кабинетной тиши Комисаризата земледелия шла работа по уничтожению народного закона о социализации земли и замене его марксистской национализацией. Закон, утвержденный II и III съездами Советов, был отменен законом о социалистическом землеустройстве, принятым не съездом Советов, а Центральным Исполнительным Комитетом.

Статья 1-я народного закона о земле гласила: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах РСФСР отменяется навсегда».

Ст. 2-я. Земля без всякого выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа.

Ст. 1-я нового большевистского закона о земле уже говорит: «Вся земля в пределах РСФСР, в чем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом».

Восстановлена, таким образом, собственность государства на землю, в то время как народнический закон о земле само понятие собственности на «Божью землю» пытался вытравить из психологии масс, направив ее по руслу понятия о праве людей лишь на пользование вещами, но не их присвоением.

В связи со следующим пунктом, передающим право распоряжения единым государственным фондом, куда входят земли и беднейшего, и пролетаризированного, и трудового крестьянства,

¹ Основной закон о социализации земли. А. Залетный. — *Прим. автора.*

соответственным «народным комиссариатам и подведомственным им местным органам власти», на весь закон наложена определенная печать бюрократического всемертвящего централизма. По закону же о социализации земли «распределением земель сельскохозяйственного значения между трудящимися ведают сельские, волостные, уездные, губернские, областные и федеральный земельные отделы Советов в зависимости от значения этих земель», т.е. в основу закона был положен здоровый принцип самостоятельности органов на местах при согласованности их действий между собой и с органами федеральными в центре, как непременимое условие массовой самостоятельности, а следовательно, и развития революции.

По закону о социализации земли «право пользования землей сельскохозяйственного значения принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом»; по новому же «социалистическому положению» [по] землеустройству, в основу которого положено стремление создать единое производственное хозяйство (это в переходный к трудовому строю период, вдобавок еще в стране мелкого землевладения и земледелия), подвергается вся площадь сельскохозяйственного фонда, которая «используется в первую очередь для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь — для нужд трудовых артелей и товариществ и для общественной обработки, в третью — для добывания средств к существованию единоличных земледельцев».

Те, кто обрабатывает землю собственным трудом, те, кто на своих плечах вынес всю трудность борьбы за уничтожение частной собственности на землю, попадают в третью и последнюю категорию земледельцев в утробу отвлеченному для современности переходного момента принципу о единоличном землепользовании, как виде преходящем и отживающем. Те же, кто по октябрьскому закону имел право пользоваться землей из фонда запасных земель лишь «для поднятия сельскохозяйственной культуры, устройства сельскохозяйственных образцовых ферм или опытных и показательных полей», кто получал право обрабатывать только эту землю и поля «трудом, оплачиваемым государством», — новым законом переводится в первую категорию, получающую в свое ведение все земли, не подлежащие единоличному пользованию: тут и с.-х. школы, и опытные поля; тут и бывшие земли нетрудового пользования, на которых организованы или предполагается организовать советские хозяйства; тут и земли для организации товарищеского общего хозяйства; тут земли специального назначения и все вообще земли, «ко времени вступления в силу настоящего положения еще не распределенные в единоличное пользование».

Можно было бы не восставать против стремления большевистского правительства организовать крупное хозяйство, более выгодное, чем мелкое, единоличное, если бы формы этих хозяйств соответствовали народной психологии, его чаяниям и надеждам, если бы под этой формой не воскрешалась столь ненавистное трудовому крестьянству казенное хозяйство, если бы эти крупные хо-

зяйства давали простор народному творчеству и его самостоятельности, если бы эта форма не устанавливала государственного наемного труда, как общего принципа большевистского коммунизма, если бы, наконец, единичные землепользователи были поставлены в те же условия, что и коммуны, и артели, и товарищества.

1. Советским хозяйствам отводятся все имения с многолетними культурными, рациональными хозяйствами, сложным техническим оборудованием по обработке с.-х. продуктов, с развитыми специальными отраслями животноводства, технико-промышленным делом и т.д. Им отводятся все, что есть ценного для земледельческой России. И все это находится «в непосредственном ведении Наркомзема», назначаемого заведующих, подчиненных «соответствующему» районному губернскому управлению и в точности исполняющих все его распоряжения и указания. Выборный рабочий комитет «не должен вмешиваться в распоряжения заведующего хозяйством», он не управляет, а наблюдает и контролирует.

Форма эта, централистически-казенная, не дает никакого простора ни инициативе «постоянных» готовых рабочих и служащих хозяйств», ни проявлению их энергии, самостоятельности. Они убивают их самостоятельность, так же, как и формы национализации в области промышленности. Мы признаем преимущественно крупного хозяйства перед мелким, но крупного самоуправляющегося, существующего и развивающегося не из-под палки, но по типу кооперативного земледелия и земледельческих. Советские хозяйства — точная копия с хозяйства капиталистических. И все сказанное о централизации в управлении промышленности целиком применимо к советским сельскохозяйственным хозяйствам.

II. Мы признаем сельскохозяйственные коммуны, как добровольные союзы трудящихся. Как будто так на них и смотрят большевики, заявляющие (ст. 60 главы VII): «Сельскохозяйственные производственные коммуны суть добровольные союзы трудящихся, часть общенародной организации товарического земледелия, орта низуемого с целью ведения хозяйства на коммунистических началах в области производства и распределения». Но уже дальнейшие пункты уничтожают совершенно впечатление первого пункта.

Во-первых, организация хозяйства коммуны подчиняется плану, утвержденному свыше. Во-вторых, хотя эксплуатация труда в целях извлечения прибыли в коммуне воспрещается, но «для исполнения работ, требующих специальных знаний, таковые могут быть приглашаемы». Могут быть приглашаемы «на время запашки, засева, жатвы в качестве временных участников и другие лица, не состоящие членами коммуны», но они «не могут быть поставлены в худшие условия по сравнению с членами коммуны». Ясно, что во время их работы в коммуне специалисты и «временные участники» получают равное с членами коммуны содержание, но ясно также и то, что в распоряжении и использовании ценностей, созданных их трудом, они по окончании работ участия не принимают и права на это не имеют, как и всякий ра-

ботник, получающий денежную или натуральную плату от своего хозяина.

В-третьих, уездному земельному отделу предоставляется право вмешательства в дела коммун для объединения «в одну-две или несколько организующихся коммун».

В-четвертых, заведующие хозяйственной частью, выбранные советами, управляющими коммуной, должны утверждаться уездной властью.

В-пятых, члены рабочей коммуны ответственны перед Народным Комиссариатом земледелия, коммуны могут быть распущены и т.д., и т.д.

Из всего этого видно, что в дела «добровольных союзов трудящихся» государство получает право самого широкого вмешательства, влияния на дела, реорганизации коммун, их перегруппировки, роспуска, привлечения к ответственности. Это право государства себе оставило как награду за обеспечение коммунаров всем необходимым для хозяйства, за субсидии, семена, орудия, деньги. Коммуны в этом построении — такие же советские хозяйства, страдающие всеми их болезнями и пороками. Мы, максималисты, сможем на них определенно отрицательно, ибо они — отнюдь не «добровольные союзы трудящихся».

Коммуны должны вести хозяйство на коммунистических началах в области производства и распределения. С уничтожением частной собственности на землю ведение хозяйства на коммунистических началах сводится к уничтожению в коммуне производства; следовательно, к распределению по потребности, а не по трудовому принципу той части урожая, которая остается (а не остается государством, как предполагает положение о социалистическом земледелии) коммуне для личного потребления. Оставляя открытым вопрос о коммунистическом потреблении не только для настоящего, но и для будущего, необходимо указать, что максимализм, признавая коммуны добровольные, как более совершенный тип сельского хозяйства в сравнении с другими, советскими и артельными, считает невозможным переход к низу (а не насаждение сверху) коммун без образования переходной к ним ступени — хозяйства товарищеского, артельного. Прежде всего потому, что коммунистическое земледелие, охватывающее всю жизнь участников коммуны, не имеет еще достаточных корней в народной психологии, в быту земледельцев, их трудовой жизни. Корни эти не могут быть насаждены сверху положениями о коммунах, раз самой массе знакомы общинные предприятия другого типа, другого рода, раз история не выковала низовой тяги к этому типу хозяйства, раз в миллионной массе большевистское экспериментальное землеустройство вызывает раздражение и ненависть. Переходные формы необходимы особенно в стране мелкого земледелия. Таковой формой, выдвинутой крестьянской жизнью, является трудовой земледельческий коллектив, довольно

часто по некоторым принципам своего построения приближаясь к коммунам, по другим от нее отдаляющийся, но во всяком случае не допускающий:

1). Государственного вмешательства в свои внутренние дела.
2). Наемного труда на время запашки, засева, жатвы, хотя бы и под той формой, которую предлагает большевистская статья 101-я об общественной обработке земли под формой «временных участников».

3). Признающий: а) самостоятельное выполнение коллективом общего плана распределения урожая помимо правительственных органов; б) распределения части урожая, которая остается кол-лективу для личного обихода по потребностям (по рабочей силе и едокам) и, наконец,

4) не требующий немедленного отречения от своей собственности.

Эти коллективные принципы, живые и не застывшие, принципы трудовой крестьянской жизни, развиваясь, постепенно создадут на практике, а не только теоретически и декретивно, тот тип хозяйства, который соединит выгоды мелкого и крупного земледелия, отбросив в сторону отрицательные стороны и того, и другого. К этому нас приведет постепенное развитие сельскохозяйственного производства, развитие, способствовать которому центральные органы должны оказанием помощи части крестьянской, ведущей уже индивидуально-трудовое хозяйство и трагующей закон о социализации земли с точки зрения уравнительного ее распределения. Помощь эта — финансовая, экономическая, агрономическая — должна толкать путем примера, отнюдь не насильственно, к переходу от единоличной обработки к общественной. С этой целью центром должны быть организованы в некоторых бывших частных владениях крупных капиталистических имений показательные хозяйства, сельскохозяйственные фермы, опытные поля, применяющие в широком масштабе машины, искусственные удобрения и т.д. Помощь индивидуально-трудовым хозяйствам, стоящим уже на собственных ногах, должна быть оказана в такой же мере, как и хозяйствам коммунальным, артельным и в гораздо большей степени, чем советским, должны существовать, как образцово-показательные, но отнюдь не как хозяйства, эксплуатирующие землю.

* * *

Как при построении аграрной программы приходится принимать во внимание особенности в развитии сельского хозяйства в отличие его от хозяйства промышленного, так и при создании формы организации трудового крестьянства приходится считаться с условиями его жизни, быта, психологии и развития.

Земледельческий характер России и господство мелкого землевладения, а с изданием закона о социализации земли господство мелкого трудового земледелия, сделало невозможным на-

сильственный переход этой индивидуалистической формы в форму высшую, общественную. В то время, как в промышленной области наличность крупных производств сконцентрировала громадные массы рабочих рук на фабриках, заводах, в мастерских и магазинах, создав объективные и психологические условия для обобществления промышленности, сельского хозяйства с его преобладанием в России мелкого и среднего землевладения, с его разбросанностью, удаленностью от центров и друг от друга, с заботностью и темнотой крестьянских масс этих условий еще не создало и долго не создаст. Этим должен объясняться длительный характер переходного к социализму периода, длительное существование Трудовой Республики.

Раз нельзя насильно теперь же вогнать мелких земледельцев в социалистический рай, значит необходимо приспособить всю крестьянскую политику к этим необходимым условиям, приступив к созданию той массовой организации труда, которая сможет осуществить поставленную революцией задачу: обобществление всего сельскохозяйственного производства.

При построении этой организации необходимо принять во внимание существование в русской жизни двух видов хозяйств — индивидуально-трудовых и коллективных. Соответственно этому и объединение трудового крестьянства должно идти в двух направлениях. Мелкие производители, единолично или со своими семьями обрабатывающие свои участки, объединяются в профессиональный союз для защиты своих интересов по типу профессиональных рабочих союзов, с теми же задачами, теми же стремлениями и приемами. Тут и оказание всяческой помощи отдельным лицам и группам, и борьба со всеми видами порабощения личности политическо-государственными или профессионально-партийными; тут и борьба с земельными и продовольственными неурядицами; тут борьба с падением производительности труда; тут и культурно-просветительная работа, и медико-санитарная; тут и организация потребительных, кооперативных и артельных земельных хозяйств, и содействие отдельным работникам земли к повышению производительности их труда.

Профессиональное объединение трудового крестьянства в переходный к социализму период — такая же необходимость, как профессиональное объединение рабочих-кустарей, как и профессиональное объединение рабочих в капиталистическом обществе, производственное — в трудовом. Экономическая свобода мелких производителей, не прибегающих к эксплуатации чужого труда, может быть гарантирована от всяких покушений на нее государством исключительно силой авторитета самих производителей, организованных, спаянных в один мощный союз, союз защиты своих интересов, прав личности и граждан трудового общества. Этот союз, охватывающий все стороны жизни крестьянина, осуществляет демагогическое освобождение работников — дело самих работников. Этот союз организуется снизу вверх, от сельских объединений к

вологостным и выше, согласно принципам федеративного строительства профессионально-производственных союзов, изложенных в предыдущей главе.

Объединение земельных артелей, товариществ, коммун, советских хозяйств, уже существующих, между собой должно происходить по методу объединения рабочих производственных союзов, кладя в основу принцип максимализма — ведение производства самими производственными объединениями. Во главе каждой производственной единицы, будь то земледельческая артель, коммуна или советское хозяйство, стоит земельный совет, избираемый всеми работниками данного колхоза, которому и принадлежит управление всей единицей по плану, выработанному съездом всех колхозов, входящих в объединение. Отдельные единицы этого объединения организуются по губерниям, создавая на съездах губернского земледельческого совета, которым принадлежит общий надзор за работой отдельных хозяйств, распределение по общему производству — машин, удобрений и т.д., согласование действий отдельных единиц в смысле сбыта продуктов, суммирование данных о состоянии сельского хозяйства является центральным органом сельского хозяйства является центральный земельный совет, выбранный съездом всех производственных колхозов и согласующий деятельность всех производственных колхозов. По мере перехода индивидуальных хозяйств к общественной обработке земли, чему должны всеми мерами, но отнюдь не принудительными, способствовать губернский и центральный земельный совет, втягивания мелких работников земли в орбиту общестроительного земледелия, падает значение профессионально-объединения трудового крестьянства и растет роль объединения производственного, постепенно вытесняющего все другие формы объединений — политического и кооперативного. Производственные союзы держат в своих руках все сельское хозяйство — от переработки земли, ее засева, до сбыта хлеба в общественные магазины, получение за него эквивалента, организации опытных полей, школ, введения новых систем полеводства, расчистки племенного скота и содействия повышению культурного уровня трудового деревенского населения.

Каждая производственная единица распадается на секции, соответственно количеству сельскохозяйственных отраслей данного колхоза. Каждая секция объединяется с соответствующими секциями других единиц, образуя, таким образом, параллельно с секциями территориально-производственными союзами по отраслям (маслоделов, табаководов, огородников, садоводов, свекловодов и т.д.), входящие в соответствующие отделы центрального и губернского земельных советов.

Создается, таким образом, конфедерация сельского труда, для полноты конфедерацию труда городского, промышленного, и составляющие вместе конфедерацию работников плуга и молота

охватывающую всю экономику страны снизу вверх в единое, стройное, самостоятельное целое.

Полнота ее конфедерацией работников интеллигентного труда, «рабочников мысли», максимализм создает федеративное объединение всех частей жизни человека, подготавливая почву для беспредельного развития личности и ее групп — общества.

VIII. Распределение в максимализме

Бытие определяет сознание. Такова формула, выражающая отношение марксизма к вопросам распределения. Заранее установить, — говорит марксизм, — те принципы, которые легли бы в основу распределения в социалистическом и переходном к нему строе — задача бесплодная, ибо те или иные формы распределения вытекают из существующих производственных отношений, определяемых формой данного производства.

Максимализм не признает этой зависимости. Какой угодно хозяйственно-экономический строй допускает разные формы распределения, как и разные формы потребления. На основе общественной собственности или общественного достояния; на основе обобществления всех средств производства и установления права пользования ими мыслимы разные методы распределения производимых ценностей от индивидуалистических до коммунистических. Разве национализация средств производства логически отрицает распределение по старому принципу заработных плат, высота которых зависела от той доли, которая устанавливалась раньше для капитала, а при национализации — для государства? Разве социализация средств производства несовместима с оплатой по труду? Разве и та, и другая система исключает распределение по потребностям? Максимализм рассматривает социализм, как проблему распределения, а последнюю, как результат ряда условий: и наличия производительных сил, и борьбы общественных классов. И, главным образом, высоты интеллектуального развития и сознательных действий широких трудовых масс. Поскольку максимализм является действенной силой социальной революции, постольку он своими планами и основами распределения может и должен влиять на выработку и принятие массами наиболее справедливых принципов распределения. И от силы этого влияния будет зависеть степень болезненности перехода от одних форм к другим, от менее совершенных к более совершенным при прочих равных условиях.

Старая форма распределения, присущая капиталистическому обществу, покоилась на праве частной собственности распоряжаться вещами и эксплуатировать труд работников. Отрицая в корне эту форму распределения, необходимо указать на системы желательные, выработанные человеческим сознанием, на системы, возможные к осуществлению в переходные к социализму периоды, но в то же время облегчающие развитие их в системы высшей человеческой справедливости, — распределения по потребностям.

Системы коллективистические характеризуются правом личности на полный продукт своего труда. Исключая совершенно истощающие непродуктивный доход — земельную ренту и прибыль на капитал — эта система оценивает труд, кладя в основу оценки два принципа: или принцип количества труда, или также и принцип его качества. Коллективистическая система, кладущая в основу распределения принцип количества труда, неизбежно приводит к тому экономическому неравенству, уничтожить которое стремится социализм. Ибо в каждом обществе, в каждом классе, группе, существующем люди разных способностей, энергии, инициативы, умения и сноровки к работе. Следовательно, создаются немедленно и группы более сильные, более ловкие и группы менее сильные и менее ловкие. Антагонизм и борьба этих групп неизбежны, как неизбежна и экономическая зависимость неработоспособных членов государства — стариков, детей, больных и т.д., — для которых необходимо установление особой формы распределения благ, избежав возврат к собственнической форме распределения благ, ибо придется не только вещи расценивать, но и приобретать их за деньги, будь то золото, серебро или какие-либо бумажки. Возможно и накопление этих денег более умелыми и лучше приспособляющимися работниками. Допустим и произвол оценщиков, особенно оценивающих качество труда.

Другая коллективистическая система кладет в основу распределения принцип среднего рабочего часа при среднем приращении и средних способностях. Таким образом, работник получает плату не за количество часов, которые он фактически затратил на производство материальных благ и услуг, а за то, которое должен был бы затратить рабочий при среднем приращении и средних способностях. Хотя эта система и выводит экономическое равенство работников, но, как и предыдущая система, она невыполнима фактически, ибо оценка всех материальных благ средними рабочими часами даже при самой усовершенствованной государственной организации, была бы слишком сложной и трудной задачей, тем более, что такой тариф должен был бы постоянно меняться вследствие изменений в продуктивности труда¹.

Система распределения коммунистическая устанавливает распределение продуктов по потребностям, принимая во внимание возраст, пол, условия работы. Распределение продуктов может происходить или централизованно, через организации, устанавливающие государственное, или через организации, согласующие свою деятельность с центром. В первом случае, не устанавливая зависимости между количеством получаемых продуктов и количеством труда работника, государство, вводя всеобщую трудовую повинность, обязано удовлетворить все потребности граждан, в первую

голову насущные, а потом и второстепенные. Во втором случае, исходя из того же принципа — определенное количество работы по способностям и определенное же количество продуктов по потребностям — общественные организации на местах распределяют вещи по вышеуказанным признакам.

Большевизм признает первый вид коммунизма — коммунизм государственный, — максимализм признает коммунизм децентрализованный, свободный от опеки центральной власти, свободный от государственных пут, осуществляющий во всей полноте право на существование свободных людей в свободном коммунистическом обществе.

* * *

Коммунизм — наш идеал. Но для его осуществления необходимы громадные запасы продуктов, каких нет сейчас, в переходный к коммунизму период. Право на существование не может быть реализовано целиком и поэтому приходится прибегнуть к регулированию распределения.

Большевизм положил в основу этого регулирования системы неравномерной денежной оплаты труда.

Максимализм рассматривает этот вид оплаты, как признание бессилия власти регулировать в полной мере хозяйственную жизнь республики. Распределительные органы власти, не доставляющие необходимого количества продуктов трудящимся, толкают их к удовлетворению своих потребностей путем свободной закупки по волевым ценам, способствуя этим процветанию мешочничества и спекуляции — этому тягчайшему бичу нашей революции.

Натуральная оплата труда, как переходная форма к распределению по потребностям, разрывая с остатками капиталистического строя, вполне устанавливает определенное соответствие между количеством затраченного обществом труда и количеством произведенных продуктов. Чем выше производительность труда, тем крупнее и доля причитающихся работнику продуктов.

Но возможен ли в данный момент переход к натуральной оплате труда? Ведь факт тот, что государственная заготовка продуктов настолько ничтожна, что продовольственные органы удовлетворяют лишь ничтожную долю потребностей населения. Значит, в течение времени, необходимого для поднятия производительности труда на такую высоту, чтобы количество произведенных продуктов соответствовало потребностям населения, придется государству содержать трудовое население на голодном пайке, подвергая его мукам голода и холода, парализуя его энергию и инициативу, подрывая тем самым фундамент, на котором может только развиваться воля к труду и расти его производительность. Если бы политика правящей партии большевиков не восстанавливала деревни против города, если бы продовольственный аппарат был более гибок, более связан с потребителем, если бы не были убиты

¹ Экономическая и семейная жизнь в народном рабочем государстве. А. Мейер. — *Прим. автора.*

в нем всякая самостоятельность и воля к строительству, если бы с самого начала был взят курс иной, не централизованно-национализаторский и мунципализированно-советский, а профессионально-потребительский и кооперативно-коммунальный, то, без сомнения, условия данного момента позволяли бы переход к натуральной оплате труда, как необходимому шагу к установлению коммунистического распределения. Но курс был взят другой, и приходится еще раз повторять по сию пору на денежной оплате труда, к тому же еще неравномерной. Большевицкий режим оказался в итоге вынужденным использовать те же методы, что и строй буржуазный: разделение класса работников на группы, поставленные в разные условия существования, противопоставление работников служащим, а всех вместе — специалистам умственного труда. Ибо в противном случае специалисты, техники и «незаменимые работники» или отказались бы от работы, или превратились бы в невольных голодных саботажников. С другой стороны, финансовое состояние страны не позволяет уравнивания всех с категориями наиболее оплачиваемыми. И приходится закреплять все те же старые перегородки под угрозой роста недовольства необученных, некавалифицированных рабочих, роста их раздражения и готовности к борьбе с пережитками старого. Из этого заколоченного круга при большевистском режиме придется выбирать путем насильственного повышения производительности труда, путем для избежного воровства, спекуляции и т.д. Максимум выйдет другой путь — путь безболезненного перехода к коммунистическому распределению через натуральную оплату труда: это — передача коллективам права пользования средствами производства, установление зависимости между количеством произведенных коллективом продуктов и высотой производительности труда, право получения каждым коллективом от других, согласно общему плану распределения, всех продуктов, общей стоимостью не превышающих стоимости произведенного коллективом, и распределение продуктов между членами коллектива по потребностям. Подробнее этот взгляд был изложен в одной из предыдущих глав.

Необходимость согласующего центра, особенно в вопросах распределения, ясна. Она вытекает из понятия о социализме, как об общечеловеческом, в котором планомерно организовано производство, об общем образе — распределение. Если на первых порах оно главным образом — распределение, то по мере развития производства, роста количества произведенных продуктов, возможности перехода к натуральной оплате труда, налаженности транспорта для организации правильного товарообмена между городом и деревней, эти отступления должны исчезать, и самостоятельность отдельных производственных коллективов в вопросе о распределении произведенных ими продуктов теряет и свою необходимость, и свою общественную ценность. Ибо синдикальное производство, как постоянный институт, сопряжено с неизбежным

появлением производств богатых и бедных, хорошо оборудованных и технически бедных, в зависимости и от личных качеств участников коллектива, и от расположения производства по отношению к источникам сырья, к средствам передвижения, и от естественных условий, дающих возможность перехода от одной системы производства к другой. Подобная вероятность, несмотря на самый строгий контроль государства, чревата углублением экономического неравенства между коллективами, а не его сглаживанием и полным уничтожением. Поэтому право распределения продуктов производителями должно быть ограничено на первых же порах. Всем производимым продуктам ведется строгий и полный учет на местах, пересылающийся в центральный учетно-статистический отдел. Каждая местность составляет требование о роде и количестве потребляемых ею продуктов. На основании этих суммированных данных составляется план снабжения местностей продуктами и средствами производства по потребностям, а при недопроизводстве продуктов — пропорционально количеству населения и производительной силе предприятий на местах. Этот план снабжения проводится в жизнь, но не центром, как полагает большевизм, а местами, как проповедует максимализм.

В данное время центр не только распределяет теоретически, но и практически, открывая свои отделения на местах, через которые центр и снабжает с большим опозданием места товарами, уничтожая постепенно представительство мест при центре и инициативу их в этом деле. Ведется усиленная борьба между местами и центром, ибо заинтересованные в быстром продвижении товаров места понимают, что свои агенты, свои уполномоченные энергичнее работают, быстрее выполняют, чем агенты центральной власти, для которых места — отвлеченные понятия, к которым они относятся одинаково равнодушно. Поэтому мы, максималисты, говорим: не отдели центра на местах, а отдели мест в центре, с одной стороны. С другой — состав распределительного центра из представителей с мест. И, с третьей стороны — связь мест с источниками сырья производителями фабрикаторов полуфабрикатов, производителями продуктов сельского хозяйства — хлеба, овощей, фруктов, масла и т.д. — через своих агентов, которые по получении плана снабжения принимают меры к отправке причитающихся им продуктов на свои места. Только при такой конструкции распределительного аппарата все бумажные выкладки будут проводиться быстро, без задержек, канцелярской волокиты, без трений между согласующим центром и местами. Так смотрит максимализм.

IX. Итоги возврата к Марксу

Большевизм окреп. В области политических отношений, в области рабочей и крестьянской политики, продовольственной и военной, транспортной и судебной большевизм творит свою волю, свою программу, свою тактику. И в то же время приходит к кон-

стативать, что хозяйственный развал растет, растут голод и недовольство, разрушается транспорт и нарастает постепенное и упорно массовая психология недоверия движущим силам революции, самой идее ее, идеям Советов и социализма. Это — непреклонный факт, констатированный даже партией большевиков, разными съездами и конференциями.

Большевики и их друзья ищут, разумеется, объяснения этому в объективных условиях развития социальной революции, в обстановке, созданной войной, ее периодами поражений и гражданской войны, рост которых в течение более или менее определенного периода, в зависимости от глубины, размаха и содержания революции, неизбежен, неотвратим.

Большевики ищут оправдания своим хозяйственным неудачам в наследии прошлого: прежде всего в том, что самодержавие оставило революции разрушенное хозяйство, что контрреволюция отрезала Советскую Россию от источников сырья, угля, нефти и хлеба, что международный империализм отрезал ее от внешних источников, питающих раньше страну, блокировал ее берега и пытался взять ее измором.

Все это — заблуждая истина. Это верно. Но это — не полное объяснение равнодушия одних, озлобления других и восстания третьих. Трудовое крестьянство не восставало бы из-за отсутствия сита, сукна, кожи или спичек. Оно видело и похуже времена. Оно не восставало бы из-за прекращения железнодорожного движения, уплаты налогов. Армия, опирающаяся на спокойный, не раздраженный тыл, никогда бы не устраивала бунтов и погромов. Рабочие, хотя и полуголодные, но державшие вместе с крестьянством власть в своих руках, творившие свою волю и желание, поняли бы, что причина голода и разрухи — вне их, вне партии, вне стремлений революции. Если же этого нет, если происходят и бунты, и погромы, и дезертирство, и восстания — то причину надо искать еще и в другом — в том, что хозяйственно-экономическая и международная политика большевизма сошла с того пути, который намечен был октябрьским максимализмом.

Большевики в октябре победили под чуждым им статусом народнического максимализма. Как марксисты, они не могли, разумеется, мириться с народническим ходом революции, противоречившим всему их учению о развитии, всем их взглядам о переходной эпохе и ее диктатуре, о федерации, социальной революции, ее целях и задачах. Но в то же время большевики понимали, что октябрьская победа революции возможна была только через широкую трудовую массу. И они шли к этой массе, действовали через нее, ее именем, не останавливаясь ни перед какой демagogией, поднимая ее на борьбу несбыточными обещаниями, радикализмом внешней революционности своей фразеологией, радикализмом своих политических и экономических требований. И когда на основе этого словесного максимализма было вызвано доверие масс, когда политическая революция была совершена, когда власть

перешла в руки большевиков, им осталось лишь укрепить ее в центре и на местах, чтобы потом уже начать постепенный, незаметный на первый взгляд отход на старые позиции марксизма. И когда им показалось, что время это наступило, — сейчас после Брестского мира, гудящего на самом деле все наши завоевания и мировую революцию, — отход начался.

Революционная диктатура пролетариата и крестьянства сменилась диктатурой «пролетарских элементов», т. е. коммунистической партии, считающей себя выразительницей их интересов. Перманентная революция Троцкого с его диктатурой пролетариата в земледельческой стране победила «второй этап революции» Ленина. Этой участи, разумеется, должны были подвергнуться и все характеристики «переходной эпохи»: 1) государство без постоянной армии превратилось в «Ленин сказал, нам нужна 3-миллионная регулярная армия»; 2) государство без полиции превратилось в государство с милицией, напавшей на себя почти старую форму с бляхами и номерами; 3) государство без чиновников превратилось в сплошное чиновничье-канцелярски-бюрократическое государство; 4) государство с максимумом легальности превратилось в государство безакония, пробовало молчания и боязни; 5) государство без насилия над массами превратилось в сплошное над ними издевательство и глумление; 6) республика Советов превратилась в государство советское лишь по форме, по своему же содержанию — в государство Российской коммунистической партии.

Нечего и говорить о том, что победа проклизма, шумливого и звонкого, над ленинизмом, застраховавшим себя в своих тезисах «от всякого переопределения», высказывавшимся за необходимость опираться на рабоче-крестьянское большинство в Советах, но считавшим массу крестьянскую «тоже буржуазней иного слоя, иного рода, иного характера», что эта победа должна была логически и в угоду принципам, привести к подавлению «мелкобуржуазного» движения трудового крестьянства насильем, к отказу от «мелкобуржуазного» закона о социализации земли к централизму и бюрократизму, в управлении через «коммунистические ячейки».

Логика и принципы большевистского марксизма оказались в этот период сильнее логики революции и принципов жизни. Дипломатия октябрьского периода уступила место хладнокровной решимости переустроить Россию на началах, завещанных много десятков лет тому назад будущим поколениям Карлом Марксом.

Реализация этих принципов в итоге и довольно скоро привела к бунтам, восстаниям и усиленному контрреволюции, к соглашательству с мировым империализмом и с социалистически-минималистскими партиями. Диктатура коммунистической партии, пытавшейся опереться на пролетариат против среднего крестьянства для проведения «коммунистической» политики в деревне, привела сначала к комбедам. Затем, когда эта «классовая» политика марксизма послужила одной из причин крестьянских восстаний, — к утверждению, что «советская власть всегда ставила своей целью

объединение городского пролетариата с сельским пролетариатом и полупролетариатом, а также и с трудовым крестьянством среднего достатка, не эксплуатирующим трудящихся». Когда же и это разъяснение не оставило приближения крестьянской грозы, пришлось совершенно от них отказаться и от уездных чрезвычайек, этих преступных измышлений большевистского мозга.

Когда новый закон о социалистическом землеустройстве, отнававший у крестьян конфискованную помещичью, монастырскую, удельную и др. земли, предоставивший привилегии и льготы коммуна и товариществам, уменьшивший площадь крестьянского землепользования и введший системы наемного труда, вызвал враждебное к этому закону отношение и создал условия для стихийных восстаний и бунтов, в большей, может быть, мере, чем декрет о чрезвычайном налоге и натуральном обложении, чем все безобразия местных «коммунистических» властей, — тогда был вновь изменен курс большевистской политики.

Под этой переменной, под всей этой дипломатией на внутреннем фронте расписался и «высший вершитель дел государства», как называли большевики VIII съезд коммунистической партии. Съездалось 480 коммунистов, старых и молодых, присутствовали все лидеры партии, «вожди» русской и мировой революции, и в течение нескольких дней, как будто заранее стоворившись, открещивались на словах от всего прошлого, от сущности учения революционного марксизма, от своей программы и тактики, неустанно повторяя: «Только мы осуществляем и применяем на практике принципы революционного марксизма».

И что же они осуществили? Они постановили во имя спасения революции опереться на среднее крестьянство. Что предпринял съезд для того, чтобы привлечь на сторону революции это «среднекрестьянское явление», как назвал трудовое крестьянство вождь большевиков Ленин? Взавши, согласно революционным принципам марксизма, курс народничества, новый «курс на среднее крестьянство», коммунистическая партия постановляет: а) не надо смешивать среднее крестьянство с кулаками, б) среднее крестьянство не принадлежит к эксплуататорам, в) недопустимы ни прямое, ни косвенное принуждение при образовании сельскохозяйственных коммун; должны преследоваться всякие произвольные реквизиции; необходима широчайшая помощь крестьянству, финансовая, агрономическая и т.д.

Ему обещано, пока что только на словах, «не стонать насильно его в коммуны», «противиться всем незаконным реквизициям местных властей», «не чинить препятствий купле и продаже между крестьянами разных волостей и уездов сена, дров и других потребностей крестьянского обихода», «поощрять индивидуальные хозяйства пчеловодства, огородничества и скотоводства».

Ему даже обещано восстановление диктатуры рабочих и крестьян, привлеченье в Исполкомы «беспартийных средних крестьян, как людей, хорошо знакомых с местной жизнью и ее условиями».

Восстановить власть Советов, которыми «партии могут руководить, но не заменять». Но во всех этих резолюциях чувствуется ясно недоговоренность, нежелание сделать все выводы из диктуемых жизнью и ходом революции положений. Все то же нежелание расстаться [с] той диктатурой, которая вергает страну в пучину длительных всплесков, забастовок, восстаний и погромов. Все та же боязнь нарушить принципы революционного марксизма и все то же непрерывное их нарушение.

Принципы марксизма ясно говорят о переходе к социализму через развитие крупнокапиталистических форм товарного производства, монополизированного в немногих руках, а Ленин, «вождь не предстоящей, а настоящей развивающейся мировой революции», заявляет о нашем «возвращении к самым первоначальным формам товарного производства» и в то же время полагает, что социальная революция в России возможна.

Вожди революции, вводящие у нас коммунизм, полагали, согласно, по-видимому, марксистским принципам, что ввести этот строй возможно, опираясь на те тонкие слои рабочих, «которые управляли фактически Россией в этот год». Теперь же уже изыскиваются практические средства использовать в промышленности и в деревне «новые силы в массовом масштабе». Это ни что иное, как возврат к принципам революционного народничества, о невозможности осуществления социалистического строя без творчества самих масс и их самостоятельности. Но эта точка зрения должна повлечь за собой и изменение всей производственной политики большевизма в деле управления промышленностью через производственные объединения рабочих.

Марксистские принципы ясно указывают путь к социализму через диктатуру пролетариата в лице его партии, а Ленин заявляет о практических средствах использования середняков, т.е. о расширении базы социальной революции в духе народнического максимализма.

Большевики стараются даже уверить всех, что все эти штатания были предвидены пресловутыми марксистскими принципами вплоть до «частой перемены линии поведения», вплоть до непризнания экспроприации мелкой и средней буржуазии, проводимой сейчас отщепенцами большевизма вопреки прямому запрещению принципов; что принципы марксизма предвидели «власть Советов в центре и на местах», принцип федерализма и децентрализации политической власти вопреки словам Ленина и того, что «процесс централизма лежит давно в крови и плоти большевистской коммунистической партии, как таковой; что принципы экономического централизма не противоречат праву наций на самоопределение! И в то же время проводится объединение советских федеративных республик в военном, экономическом и финансовом отношениях под прикрытием фраз о признании «независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма».

Таковы сдвиги. Таковы большевистские метаморфозы на протяжении столь краткой исторической полосы, как год с небольшим. Разумеется, политическая и экономическая жизнь России не могла так метаться вперед и назад, чтобы фотография большевизма не могла ее правильно запечатлеть на пластинке правительства. И если она все же запечатлена карикатурно, то это объясняется не мгновенными видоизменениями «конкретной экономической обстановки», а требованиями большевистской дипломатии, стремящейся к воплощению в русскую жизнь идей чистого большевизма по заученным местам из учебника революционного марксизма.

Для большевиков, как и для меньшевиков, объектом революции является строй, обусловленный «объективно проверенным учетом соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента». Отсюда все эти метания из стороны в сторону, все эти дипломатические ходы, «передышки», уступки, обещания concessions, уступки территорий и т.д. Минималистская природа большевизма и его марксистская теория взяли в конечном счете верх над революционно-политическими его воззрениями. И большевики, не успевши расцвести. Это подтверждается вышеприведенными фактами, дающими нам, максималистам, право утверждать, что победившая в октябре революция, развивавшаяся под революционно-народническим стягом, во имя осуществления программ-максимум, путем революционно-максималистской тактики, начала терпеть крушение, как только она покинула питавшую ее почву, широкие низы трудового крестьянства и подменила красный стяг максимализма проблемным розоватым знаменем марксизма.

Измена субъекту революции, приведшая к ослаблению мощи движения и его энтузиазма, к сужению ее баз, повлекла неизбежно через некоторое время к измене объекту революции — социализму — как ближайшей конкретной цели советской власти и ее задач. Таким образом, сдвиг большевизма в сторону максимализма, намечавшийся под напором революционных волн и бурь, сначала приостановился, затем он пытался идти вспять к минималистским берегам, чтобы выкинуться на капиталистический берет меньшевизма, минимализма и соглашательства, где, однако, он не был принят. И после некоторого периода раздумья он попытается свернуть на старую испытанную дорожку... максимализма, подтверждая этим полнейший крах большевизма, перед которыми оржево идей революционного народничества, перед которыми оржево идей революционного народничества, перед которыми оржево идей революционного народничества — явление переходящее и легко поправляемое. Торжество народническо-революционных идей — залог возможности организационного объединения разных его течений, делающегося необходимым и неизбежным с развитием русской и мировой революции.

1. Все в истории для личности и через личность. Свободное, всестороннее и гармоническое развитие личности, полное удовлетворение всех ее материальных и культурных потребностей, свободное распоряжение собой. Своими способностями, знаниями и временем — такова поэтому цель того общежития, создать которое должно и к которому стремится максимализм.

II. Всестороннее развитие личности и удовлетворение ее материальных потребностей может быть полным только в организованном общежитии, гарантирующем личности неотъемлемые от нее права и налагающем на нее обязанности.

Права: 1. Право на жизнь, получаемое личностью фактом своего рождения и, как следствие этого, право на труд в равных его условиях.

2. Равное с другими право на пользование всеми созданными человеческим трудом и природой ценностями на основе приложимости личного труда, индивидуально или общественно.

3. Право равного участия в распоряжении ценностями и свободное их потребление, индивидуально или общественно.

4. Равное право всех народов или их частей на полное выделение из общежития или на самоуправление внутри.

5. Право вооружения и право восстания меньшинства в случае нарушения их прав.

Обязанности: 1. Каждая личность, принадлежа к общежитию, обязана отдавать ему свой труд в равных с другими условиях, на развитие и процветание общежития.

2. Каждая личность обязана защищать общежитие с оружием в руках в моменты угрожающей ему внешней опасности.

III. Движимыми силами, гарантирующими наступление такого свободного общежития, желательного и должного, являются:

1. Выкованное природой человеческое сознание, заставляющее личность действовать в известных разумных целях, прежде всего ради удовлетворения своих потребностей, улучшения условий жизни, культурных, материальных.

2. Недовольство трудовых масс во все исторические периоды всеми формами эксплуатации и порабощения и стремление, то стихийное, то более или менее сознательно-организованное, к уничтожению этого порабощения и эксплуатации.

3. Наличие во всей исторической жизни того критически мыслящего инициативного меньшинства, которое, осуществляя свои потребности в деятельности, творчестве и развитии, стремится при всех условиях к преобразованию обычной жизни в управление, совпадающее с его понятием о справедливом строе будущего.

IV. История человечества есть история изменения форм эксплуатации масс и борьба их за свое освобождение. Глубокая бо-

розда прорезывает эту историю: поражение и угнетение большинства меньшинством.

1. На заре пробуждения угнетенного человечества происходит яростная борьба рабов с рабовладельцами; ее сменяет восстание крепостных крестьян против помещиков, которое, в свою очередь, уступает место новейшей форме борьбы труда с капиталом.

2. Капиталистический строй характеризуется глубоким экономическим неравенством, разделяющим общество на две части: 1) меньшинство, владеющее всеми средствами и орудиями производства и имеющее поэтому возможность эксплуатировать большинство и присваивать себе неоплаченный его труд и 2) большинство, вынужденное превращать свой труд в товар, выносить его на рынок и подвергать влиянию всех законов товарного хозяйства и его развития.

3. Стремление меньшинства увеличивать присваиваемую себе долю создаваемого богатства приводит к все растущему подчинению интересам этого меньшинства сил природы, к охвату капиталистическими формами все больших областей народного хозяйства. Все это связано с непрерывным прогрессом техники, а следовательно, и с относительно уменьшением участия живой рабочей силы в производстве (которому сопутствует рост безработной армии, этой неизбежной спутницы капитализма), ростом ее производительности, увеличением эксплуатации труда и обострением классовых противоречий.

4. В странах развитого капитализма, где росту эксплуатации труда сопутствовал прогресс техники в условиях естественного роста потребностей населения, в условиях систематического и длительного укрепления внутреннего рынка, завоеваний внешних, борьбы за них, вызывавшей укрупнение производств, объединение их в синдикаты, тресты, монополистические хозяйства путем слияния промышленного и финансового капиталов — в этих странах создавался максимум объективных условий социалистического переворота при минимуме условий психологических, особенно характерных для эпохи империализма с его войнами за экономическое обладание миром.

5. Война 1914—18 гг., вызванная этим соперничеством, особенно последовательный ее период, создает постепенно недостающие факторы мирового социального переворота, параллельно с укреплением противодействующей ему силы: а) с одной стороны, трудовые массы под влиянием экономических последствий войны — невозможности быстрого перевода стран на положение мирного времени, всеобщего разрушения промышленности, обнищания масс, развала мелких хозяйств, громадной демобилизованной армии безработных — пытаются разрешить противоречия капиталистического строя революционным путем, принимаящим вначале неизбежные формы Гражданской войны; б) с другой стороны, правящие классы старого режима пытаются видоизменить старую капиталистическую оболочку, приспособить ее к новым формам буржуазного строя путем превращения существующих уже моно-

полистических хозяйств в хозяйства государственные путем замены системы частновладельческих трестов, синдикатов, системой государственно-централизованного капитализма, путем создания «Лиги Народов» и целым рядом уступок в области рабочей политики, в области взаимоотношений труда и капитала.

6. Субъективные предпосылки социально-трудовой революции проявили свою мощь прежде всего в России благодаря своеобразной исторической обстановке, создавшей особые условия развития нашего капитализма и наложивший характерный лишь для России отпечаток на все направление социалистического движения, на все его возможности и цели.

7. Развитие капиталистического хозяйства в России произошло, с одной стороны, в условиях зависимости ее от иностранного капитала; с другой — в условиях переполнения рынка труда рабочими силами, поставляемыми деревней благодаря систематически разорявшемуся крестьянской политикой самодержавия внутреннему рынку.

8. Развитие промышленности в условиях все растущей безработной армии, непрерывно поставляемой деревней, способствовало росту производительных сил не столько путем интенсификации труда, поднятия его производительности и развития техники производства, сколько путем увеличения эксплуатации труда через увеличение продолжительности рабочего дня и относительное понижение заработной платы, революционизировавших население промышленных центров.

9. Это постоянный приток неорганизованных земельных сил через промышленную безработную армию на фабрики и заводы, эта неразрывная связь с деревней наложила глубокий отпечаток на всю классовую психологию промышленного пролетариата и на содержание его борьбы, — отпечаток, служащий залогом единства пролетарского и крестьянского движений, трудового его характера.

10. Формы закрепощения деревни, более тяжелые, чем формы эксплуатации пролетариата, бросили на чашку весов социальной революции равноценную пролетариату силу, — трудовое крестьянство, создав почву для организации духа его возмущения и направления в определенное трудовое русло, дополняющее трудовое движение города. Земледельческий же характер России, малочисленность промышленного пролетариата делали его бессильным в борьбе с самодержавием и буржуазией без одновременного на них натиска и деревни во имя полного ее раскрепощения — политического и экономического, — делади невозможной диктатуру одной лишь части, озабоченную диктатуру над другой.

11. Несамостоятельность русской индустрии, зависимость ее от правительственной поддержки определяли политическое поведение русской буржуазии на арене борьбы за освобождение России от оков царизма. Связанный экономически с самодержавием, русский капитал не мог, разумеется, сложиться в революционную силу и вступить в революционную с ним борьбу. Вынужденный

под влиянием военных неудач царизма и логики войны выступить против него в первые дни революции, он, быстро сменив фронт революции на фронт реакции, был затоплен вздымавшимися волнами народно-трудового движения.

12. В начавшейся войне, усилившей экономические и психологические предпосылки революции в России, крушение в первую очередь царистской монархии и неорганизованной буржуазии было исторической необходимостью: менее всех окрещая, русская промышленность раньше других разложилась, выбив окончательно почву из-под ног самодержавия. И в подпитом вихре революции лицом к лицу стали самодержавно-бюрократический строй и трудовые массы города и деревни, минув промежуточную ступень — буржуазную демократию, не организованную, не спящую никакой революционной идеологией.

13. Победа трудовых масс, т. е. переход власти в руки трудового большинства рабочих и крестьян означала осуществление программы этого большинства. Нераздельность в представлении трудового народа политической свободы, никем не стесняемой и ничем не ограниченной, и экономического равенства; нераздельность, закрепленная народным бытом и исторически сложившейся психологией, связавшей борьбу за хлеб с борьбой за волю, борьбу за волю с борьбой за землю; связь крестьянской программы — конфискации всей земли в форме ее социализации, — с рабочей программой в целом ряде смежных с земледелием производств, с недрами земли, лесами и водами, а через них и со всей русской промышленностью, — все это диктовало востанувшему народу задачи осуществления максимальной программы революции.

14. Зависимость русской промышленности от иностранного капитала, особая заинтересованность западноевропейской буржуазии в делах буржуазии российской превращали русскую революцию в революцию международную, перекидывавшую пожар гражданской войны с востока на запад.

V. Раздуть этот пожар, превратить его во всемирный пожар социальной революции — такова задача союза с.-р.-максималистов, осуществить которую возможно, положив в основу внутренней и внешней политики трудовой власти принципы максимализма:

1. Экономическое равенство как направляющее начало в повседневной борьбе.
2. Полное отращивание всякого соглашательства с эксплуататорскими классами всех стран.
3. Нераздельность политической и экономической революции.
4. Самодеятельность трудовых масс и активность революционного меньшинства.
5. Всяческое содействие развитию революционных движений и востаний в странах капиталистической эксплуатации и империалистической политики.
6. Безусловный отказ от мер насилия над трудовыми массами города и деревни.

7. Трудовая республика как переходная ступень к коммунистическому социализму¹.

VI. Осуществление Трудовой Республики требует установления диктатуры труда над капиталом.

1. Форма этой диктатуры определяется всецело задачами, перед ней стоящими. Так как объективный ход российской революции поставил перед пролетариатом и трудовым крестьянством задачу осуществления социализма, что возможно исключительно через их классовые производственные объединения — через фаб.-зав. Комитеты и союзы работников земли — то и формы диктатуры политической определяются сами собой: это — организации, созданные этими производственными союзами, т. е. Советы депутатов труда.

2. Никакая централистическая диктатура, будь то диктатура социалистического Учредительного собрания, созданного всеобщим голосованием, или диктатура какой бы то ни было партии не может довести дело социальной революции до победного конца. Всякая диктатура сверху уничтожает предпосылки развития революции: самостоятельность и инициативу самих масс, проявление их творческой энергии; всякая диктатура сверху проводит программу своих требований, а не требований трудового народа, реорганизует старую жизнь согласно своему пониманию и мировоззрению, не останавливаясь ни перед какими, даже насильственными, мерами.

3. Диктатура трудового народа, а не над ним, предполагает передачу власти носителю и творцу социальной революции, производителю ценностей — фабрично-заводскому пролетариату и трудовому крестьянству. Диктатура трудового народа, гарантирующая исключительно ему участие в управлении, как и участие в производстве, как свободу, ничем не ограниченную, так и равенство, дающая народу возможность проявления всех его способностей, может быть лишь децентрализованной, низовой, массовой, советской.

4. Исходя из этого, максимализм кладет в основу построения такой политической советской диктатуры следующие принципы:

а) Советы составляют из представителей производственных и профессиональных организаций физического и умственного труда и волостных сходок (до образования производственных союзов работников земли);

б) Советы должны подчиняться наказам избирателей и считаться с постановлениями ими избранных съездов Советов;

с) губернские и уездные съезды Советов должны состоять исключительно из представителей полномочных волостных сходок и городских Советов. Исполнительные органы избираются исключительно из делегатов, посланных съездами и Советами.

¹ Пп. 1—7 приняты 4-й конференцией Союза с.-р.-максималистов.

д) всероссийский съезд Советов составляется из делегатов, избранных уездными съездами пропорционально числу городских и сельских избирателей. ЦИК составляется из представителей всех уездов;

е) каждый член центрального исполнительного органа ответствен не перед фракциями и партиями, к которым он принадлежит, а только перед съездами, уездными и губернскими, которым он отдает отчет и от которых получает инструкции;

ф) правом отзыва депутатов пользуются лишь органы их делегировавшие, а из ЦИК — уездный съезд Советов.

5. Только на таких основах построенные Советы могут гарантировать всему трудовому народу:

а) полную свободу слова устного и письменного, свободу собраний, организации, свободу передвижения и выбора рода занятий; абсолютную неприкосновенность личности и жилища;

б) уничтожение права ареста кого бы то ни было кем бы то ни было;

в) выборность, сменяемость во всякое время и подугнность всех должностных лиц без всяких изъятий.

VII. Диктатуре труда в области политических отношений должна соответствовать его диктатура и в экономической жизни. Новый строй, ставший себе цель — социалистическое преобразование народной жизни, должен создать под страхом своей гибели соответствующие производственные и распределительные органы, гарантирующие максимальное развитие производительных сил в целях полного и быстрого удовлетворения всех хозяйственных и личных потребностей населения. Непременным условием успеха поставленной задачи является замена всего частновладельческого хозяйства хозяйством общественным, в то же время дающим возможность развития народной самостоятельности, инициативы, опыта и практических знаний, создающим желание и стремление народа принимать активное участие в творчестве новых форм новой жизни.

1. В крупной промышленности максимализм выдвигает формы организованной хозяйственной жизни, парализующие все вредные стороны как социалистической национализации и централизма, так и частнопредпринимательского хозяйства, именно: конструктивно экономической жизни снизу вверх, базирующуюся на принципах социализации производства, дающей возможность максимального использования сил трудящихся, материальных и технических средств и предпологающей:

а) не государственное управление и контроль рабочих, а государственный контроль и рабочее управление; федерирование промышленности, гарантирующее развитие массовой самостоятельности

ти; самоконтроль в конечном счете, с уничтожением государства, приводящий к осуществлению принципа полного рабочего управления производством;

б) участие в управлении предприятиями непосредственных участников данного предприятия. Рабочие, объединенные вокруг ф.-з. к., являются в данном предприятии единственными ответственным перед своим производственным союзом и перед СР и СД хозяйственно-распределительным органом;

в) принцип выборности — необходимое условие самостоятельности масс, являющихся в свою очередь первым и главным условием обществленной жизни. Последовательно проведенный принцип трудовой повинности, распределив все рабочие, технические, административные силы, создает естественный подбор участников предприятия по наклонностям и способностям, что делает ненужной перетупировку производственных сил сверху путем их назначения;

г) для управления производством необходима организация рабочих в союзы производственных, местных, районные и всероссийские. Вмешательство органов политической власти в дело ведения производства возможно исключительно в целях контроля.

2. В области ремесленного и кустарного производства широкая государственная помощь артельным объединениям; содействие к организации новых, но отнюдь не применяя метода экономическо-го принуждения по отношению к тем, кто предпочитает индивидуальный труд и хозяйство коллективным. По мере роста этих артелей перевод их в более крупные федеративные объединения на основах самоуправления крупной фабрично-заводской промышленности.

3. Максимализм, рассматривая аграрный вопрос, как вопрос земельно-производственный, признает необходимым с этой целью не только отмену частной собственности на землю, но и отмену частной собственности на все элементы сельского хозяйства — на живой и мертвый инвентарь, на продукты труда и рабочую силу.

4. Отмена частной собственности на землю в России — вытекающая из основного взгляда трудового крестьянства на равное право земледелца, не пользующегося наемным трудом, на пользование землей, — должна сопровождаться распределением ее между трудящимися на уравнительно-трудовых началах, чтобы потребительно-трудовая норма давала возможность безбедного существования семье земледелца.

5. В связи с источником производительных сил и дезорганизацией нашей промышленности, приостановкой большей части предприятий и отливом промышленных рабочих в деревни, преобладанием в России сельского хозяйства и слабой развитостью индустрии, — победа у нас социальной революции возможна в том лишь случае, если основа ее, сельское хозяйство, разовьет максимум производительности труда.

6. Чтобы распределение земли по указанному принципу не пошло ниже производительности земли и сельскохозяйственного труда

¹ VII отдел до пункта второго был принят 5-й Всероссийской конференцией Союза с.-р.-максималистов.

необходимо проведение ряда мер для поддержки той части трудового крестьянства, которая понимает закон о социализации земли с точки зрения уравнительного ее распределения: снабжение ее инвентарем, семенами, удобрением, финансовая и агрономическая помощь, поднятие культурного уровня и увеличение технических знаний. Необходимо параллельно с этим превращение бывших частновладельческих крупнокапиталистических хозяйств в хозяйства показательные и опытные, в сельскохозяйственные школы, в фермы, рассадники племенного скота и т.д. Необходимо широкое содействие деревне в деле организации трудовых самоуправляющихся коммун, трудовых артелей, общественных запасек.

7. Центр тяжести нашей экономики лежит в сельском хозяйстве; задачей максимализма поэтому является превращение трудового крестьянства в могущественного борца за социальную революцию путем его организации в сельскохозяйственные производственные союзы и объединения с союзами промышленных рабочих в целях примирения города и деревни, установления между ними правильного товарообмена, руководимого самими производителями, уничтожения культуры индивидуальных форм и типов хозяйства и борьба за безбедный и планомерный переход от общественной обработки земли к коммунистическому распределению ее продуктов.

8. В области распределения максимализм признает принцип каждому по потребностям и стремится к планомерно-организованному в государственном масштабе осуществлению этого принципа.

9. В переходный к социалистическому строю момент максимализм выдвигает распределение продуктов, получаемых каждым коллективом за произведенную им работу на началах равенства, ставя в то же время в зависимость от производительности труда коллектива количество этих продуктов.

10. При распределении продуктов на началах равенства каждый коллектив допускает отступление от этого принципа для лиц, занятых в особо вредных для здоровья производствах, выполняющих сверхобязательную работу, для больных и т.д. и для лиц, несущих трудовую повинность.

11. Для перехода к планомерному, организованному распределению продуктов необходимо уничтожение частной торговли как внешней, так и внутренней, крупной, а впоследствии и мелкой, и передача дела заготовки, снабжения и распределения обществам потребителей, объединяющих всех трудящихся на местах, согласовывая в центре их действия по выработанному заранее съездом потребителейных обществ (коммун) плану. Существующая в настоящее время рабочая и гражданская кооперация растворяется в общегосударственной организации, — Обществе потребителей, — передавая ему постепенно свой технический аппарат.

Только с обобществлением торговли становится возможным переход от денежной оплаты труда к натуральному и равному обеспечению всех трудящихся материальными и культурными

благами и уничтожение денег, при всяком режиме служащих средством неравномерного распределения продуктов и эксплуатации трудовых масс.

12. Органом, способствующим уничтожению товарного хозяйства, может быть центральная статистика потребностей, дополняющая статистику производства и тесно связанная с центром потребительской коммуны, заменяющим собой ныне существующий комиссариат продовольствия.

VIII. Охрана труда в социализованных предприятиях находится всецело в руках производственных объединений, гарантирующих работникам города и деревни:

а) возможно большее сокращение рабочего времени в зависимости от категории труда, условий работы и т.д. Максимальный рабочий день в 8 час., а во вредных отраслях и для не достигших 18-летнего возраста — 6-часовой. Ежедневный 42-часовой непрерывный отдых. Запрещение сверхурочных работ и работ детей и подростков до 16 лет;

б) охрана труда во всех областях производства и видах работы под наблюдением профессионально-производственных союзов и их органов (инспекция труда). Нормальная обстановка труда, гигиеничность устройства помещений. Запрещение ночного труда подростков во вредных отраслях, а женщин еще и в известные периоды. Освобождение от работ женщин в течение 8-ми недель до и 8 недель после родов с сохранением заработка и т.д. Отпуск работникам на определенное время для определенного периода службы;

в) организация производственными союзами бирж труда с задачами учета и распределения рабочей силы на основе предъявляемых предприятиями требований.

IX. Необходимость Красной трудовой армии диктуется наличием гражданской войны внутри страны, стремлением империалистических стран задуть Советскую Россию и самую идею Советов, как факел, освещающий путь остальным странам, рано или поздно должным вступить на путь социальной революции.

1. Красная армия должна быть исключительно оружием подавления классовых врагов трудового народа, как внешних, так и внутренних, но не орудием борьбы с самим народом. Правительство, используя армию, как силу полицейскую, вносит тем самым деморализацию в ее ряды, постепенно разлагает ее, как беспособную армию.

2. Создание крепко сплоченной, идейно боевой социалистической армии возможно только ее конструкцией, которая ставила бы объективно преграды к превращению армии в орган карания и борьбы с народом.

3. Формы этой конструкции, всецело и безоговорочно отрицающей формы старого порядка, вытекают: 1) внеказарменное обучение по милиционной системе; 2) всеобщее трудовое вооружение в переходный к Трудовой Республике период; 3) призывы по принципу территориального в деревнях и профессионально-территори-

ального в городах строительства и 4) выборность командного состава.

4. Эти формы создания вооруженного трудового народа, в каждую минуту готового выступить на защиту завоеваний революции, являются единственно социалистическими, разрешающими и затруднения продовольствия Красной армии, и снаряжения, и переброски частей с фронта на фронт.

5. С укреплением основ Трудовой Республики, с наступлением возможности мирного развития политического и общественно-экономического, с уничтожением, следовательно, классов и частной собственности, как средства эксплуатации, регулярная Красная армия, как сила, выделенная в особую организацию борьбы с противниками трудового строя, должна быть уничтожена и заменена всеобщим вооружением граждан Трудовой Республики. Всеобщее вооружение — необходимое условие всякого, даже социалистического строя при господстве капитализма в других странах.

Х. Признавая в социалистическом обществе исключительно то-варищеский суд, а мерой наказания — порицание или бойкот в разных его степенях, максимализм признает для периода диктатуры труда необходимым существование суда постоянного, из представителей трудящихся, организованного на основе выборности судей на определенный короткий период, введения трудовой повинности, общественно необходимой и полезной, как меры наказания, развития системы воспитательного характера и полной отмены смертной казни.

XI. В вопросах народного просвещения максимализм признает равное и обязательное для всех светское образование в школах-коммунах на общественный счет и содержание, соединяющих общее образование с прикладным, обучение с обществом полезных трудом, приучающим детей к работе, на принципах социалистического общегития и идейно воспитывающим их в духе коммунизма.

XII. Максимализм признает свободу совести и отделение церкви от государства, считая религию частным делом каждого.

XIII. В вопросе национальном максимализм признает право наций на трудовое самоопределение внутри общегития, на полное выделение в самостоятельную единицу или на федеративное объединение этих единиц. До победы труда над капиталом победивший трудовой народ одной какой-либо территориальной единицы действует в полной гармонии с восставшим народом других единиц до свержения буржуазного господства и установления диктатуры труда. Право труда на самоопределение не должно нарушать экономической согласованности всех освобождающихся из-под гнета капитала частей в целях установления гармонически налаженного мирового хозяйственного организма.

Гр. Нестроев.

Нестроев Гр. Максимализм и большевизм. М., 1919.

Материалы VI Всероссийской конференции Союза эсеров-максималистов. Москва, 20—28 сентября 1919 г.

Резолюция по поводу деятельности Центрального Совета Союза

Заслушав доклад о деятельности [Центрального] [Совета], 6-я конференция Союза с.-р.-максималистов постановила:

Приняв во внимание, что деятельность ЦС страдала от недостатка средств, от недостатка организационно-технических сил и от общих условий, препятствующих свободной работе революционно-социалистических организаций, признать, что ЦС в возможных для него пределах выполнил постановления 5 конференции.

Резолюция о тактике в связи с текущим моментом

1). Ход русской революции, оказывая существенное влияние на международное классовое движение, в свою очередь, определяется мировым положением. Это положение характеризуется: а) ростом международного революционного рабочего движения и б) максимальным напряжением сил мирового капитала в целях подавления не только этого движения, но и уничтожения всех революционных завоеваний Советской России.

2). Процесс глубокой классовой борьбы, происходящий на фоне распада народного хозяйства, с чрезвычайным ускорением ухудшает экономическое и общественное положение трудящихся, что стихийно организует их для продолжения борьбы со старым миром, внедряет в их сознание убеждение в неизбежности классовой войны до свержения мирового капитала.

3). Но свержение это превратилось в слишком длительный и мучительный процесс революционной борьбы, в данный момент не настолько еще мощной, чтобы в открытой схватке разбить международный империализм, главную силу, поддерживающую в России врагов советской власти и затравливающую в ней гражданскую войну.

4). Причины этого бессилия 6-я конференция Союза с.-р.-максималистов видит не только в объединении мировой буржуазии в черной интернационал реакции, не только в политике Бреста, распылившей мировую социальную революцию, но и в со-